

СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ

РОЖДЕННЫЙ ВОРОМ

СЛАВЯНСКИЙ
«базар»

Рожденный вором

Сергей Зверев

Славянский «базар»

«ЭКСМО»

2004

Зверев С. И.

Славянский «базар» / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2004 — (Рожденный вором)

Среди болот нашли труп молодой женщины. Жертва преступления налицо, а следов никаких. Кругом сплошная трясина. «Не с неба же она упала!» — сказал в сердцах сыщик. И невдомек ему, что так оно и есть. Ее сбросили с самолета, как ненужного свидетеля. Петрович, офицер ФСБ, расправляется со всеми, кто сует нос в дела наркомафии, которую покрывает служба безопасности. Именно он нанял безработных летчиков, чтобы доставить «груз» из Средней Азии в Москву. Что ж, и на бандита в погонах найдется управа! Давно, давно отслеживает этих наркодельцов вор в законе Карл. У него имеется к ним старый счет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Зверев

Славянский «базар»

Глава 1

Карл сидел у неудобного журнального столика, его колени упирались в резной деревянный кант. Законный бесстрастно смотрел на Качана, пытаясь признать в нем молодого парнишку-баклана, впервые попавшего на зону. Если что и осталось у Качана прежнего – так это только огромная круглая голова, за которую он и получил обидное погоняло.

Теперь Качана было не узнать – стал дородным, как говорят в народе, «гладким».

«Закабанел», – подумал Карл.

Казалось, что даже ростом меньше стал, так его разнесло в стороны.

Качан сидел, широко расставив толстые слоновьи ноги, затянутые в полотняные штаны, не зная, куда девать руки. Ранг гостя – коронованного вора – заставлял его нервничать.

За окном загородного дома сгущалась ночь, ни луны, ни звезд на небе не было видно. О том, чем теперь промышляет Качан, Карл мог лишь догадываться. Он потерял его из виду лет десять назад, когда Качана посадили. Срок он получил смешной – два года, дружки постарались, как могли: деньгами, запугиванием – отмазали. На волю он вышел, отсидев всего год. В Москву не вернулся. Краем уха Карл слышал, что Качан перебрался в Таджикистан и вроде бы неплохо там поднялся. Чувствовалось, что Качан не бедствует. Мебель в доме сплошь новая, еще магазином пахнет, в углу огромный, в человеческий рост, телевизор с колонками.

– Не за тем я из Москвы ехал, чтобы твоим домом любоваться, – без тени эмоций проговорил вор в законе и положил ладонь на прохладное стекло крышки журнального столика.

– Дом ерунда, что им хвастаться? Купил его сразу, он первое, что под руку попало. Надо же где-то перекантоваться первое время, – Качан брезгливо глянул на потолок: на свежей побелке после недавних дождей успело проступить ржавое пятно. – Если все хорошо пойдет, осяду в Москве. Дело предложить хочу.

– Мне? – по улыбке Карла несложно было догадаться, он не уверен, может ли найтись у Качана дело, достойное внимания законного.

– Не только тебе. Братве.

– На миллион? – обидная улыбка Карла, предназначенная Качану, стала еще шире.

– На полмиллиона, – абсолютно серьезно ответил Качан.

Чувствовалось, что он уже основательно прижился в Средней Азии, даже говорил по-русски с легким акцентом. Карл сделал вид, что не расслышал цифру. Двумя пальцами он охватил кофейную чашку тонкого фарфора и сделал маленький глоток, затем глянул на хозяина дома, приглашая говорить.

– Много я о тебе слышал. Уважил ты меня, вспомнил, приехал. Хотя, кто я против тебя – баклан против законного? Ты, Карл, абсолютно не меняешься. Ты такой же стройный, как прежде.

– Фигура у баб да у пидоров стройной бывает, – обрезал Карл, – давненько ты на зоне не был, если язык у тебя впереди мысли бежит. Черные тебя так говорить научили? Или Омара Хайяма начитался? Я один раз уважил по старой памяти, другой раз могу и не признать тебя.

Качан вновь почувствовал себя новичком, оказавшимся на зоне, и прикусил язык. Карл, блеснув глазами, замолчал.

В этот безветренный вечер тишина за окном стояла такая, что было слышно, как тикают в гостиной настенные кварцевые часы. Тикали противно, без мелодичного перестука, собственного механическим часам. Просто бездумно щелкали, напоминая о том, что время ухо-

дит. Будто и без них никто об этом не догадывался! Карл машинально вскинул руку и глянул на наручный «Ролекс». Из дорогих вещей он позволял себе носить только часы, заклепку для галстука и запонки. Последние уже давно вышли из моды, их почти никто теперь не носит, разве что пожилые люди, из тех, кто не склонен менять привычки. Карлу часто приходилось отдавать в мастерскую по ремонту одежды купленную рубашку, чтобы спороть на манжетах пуговицы и пробить петли.

– Они у тебя стучат, – сказал Карл.

– Кто? – не понял Качан.

– Часы твои. Стучат и спешат, между прочим. На десять минут. Жить торопишься? Так не на зоне ты теперь.

Качан повел головой, задержал взгляд на настенных часах. Смотрел на них так, будто видел впервые.

– Я дом недавно купил. Старую мебель выбросил, новую купил, а этого фуфла и не заметил.

– Раз дом купил, то, значит, надолго решил под Москвой обосноваться. Ты в Таджикистане с дикарями в разлад вошел?

– С чурками у меня все в порядке. Ценят они меня, я там незаменим.

– Дурью занялся? – Законный откинулся на спинку кресла и перехватил взгляд Качана. – Только не верти, если захочу – узнаю.

Тот испытание взглядом выдержал, глаз в сторону не отвел, не опустил, не закатил к потолку.

– Там больше и делать-то нечего. Все бабло в наркоте зашито. Но только не надо меня учить, Карл, что хорошо, а что плохо. Мол, пацанов на иглу садишь... Пусть этим учителя в школе занимаются, но, как видишь, ни меня, ни тебя своим премудростям научить не сумели.

– Меня не только школьные учителя жить учили, – покачал головой Карл, – а если ты меня пригласил, чтобы под дурь подписать, то ни я, ни братва на это никогда не пойдем...

Законный не успел окончить фразу, а Качан уже вскинул ладонь с растопыренными пальцами.

– Не наезжай. Я тоже понятия уважаю. Иначе бы ты и не пришел. Живу по ним, когда удастся. Ты ж меня по зоне помнишь. Но там, в Азии, люди по-другому устроены. Или живешь, как они, или тебе смерть. А я жить хочу, и жить неплохо. Наша братва теперь тоже на многое глаза закрывает. Ты скажи мне – что, нет в Москве сутенеров, торговцев дурью? Все они под крышей у братвы ходят, данью обложенные. Бабло – оно теперь главное. Все покупается и продается, – и тут же Качан торопливо добавил: – К тебе, Карл, это не относится, но и ты в системе живешь. Как «правильные» решат, так и будет. Даже ты против воров не пойдешь, потому как – один из них.

– Если бы я тебя не уважал, не приехал бы по первому звонку, – смягчил разговор Карл, – все мы не без греха. Но под дурь меня не подпишешь.

– погоди, я не наркоте тебе предлагаю, – Качан тяжело поднялся, его толстые ляжки колыхнулись, вздрогнул обвисший живот.

Под тяжестью хозяина дома заскрипели деревянные ступеньки лестницы, ведущей на мансарду. Дом не был шикарным. Небольшая гостиная и кухня на первом этаже. На втором, наверное, уместилась пара комнат. Вот и все богатство, если не считать участка в восемь соток и высокой ограды. Карл поднялся, подошел к окну, на него повеяло приятной вечерней прохладой. В свете фонаря матово поблескивала крыша его «Волги». Пара старых яблонь отбрасывала причудливые тени на разросшуюся траву газона.

«Мерзость запустения, – подумал Карл, – живет, как на вокзале. Вся жизнь у Качана такая. Нигде не задерживается. Не нашел себя».

Было слышно, как возится на мансарде Качан, что-то открывает – зазвенели ключи. Когда Качан вернулся, Карл все еще стоял у открытого окна.

– Мне нравится, что дом твой особняком стоит. Что соседей нет. Люблю одиночество.

– Мне тоже нравится. При наших делах соседей лучше не иметь. Присаживайся, – Качан опустил на журнальный столик закрытую деревянную шахматную доску, звякнули крючки.

Карл равнодушно смотрел на то, как толстыми неуклюжими пальцами Качан открывает доску-коробку. Внутри ее оказался целый ворох запакованных в прозрачные пакетики золотых и платиновых колец с бриллиантами. Качан гордо подвинул открытую коробку к гостю. Законный выбрал пакетик наугад, не раскрывая его, осмотрел кольцо. Золото было настоящим, и камень тоже. Стоить такая побрякушка могла две-три тысячи «зеленых». В пакетике лежал и паспорт на ювелирное изделие.

– Камень не российский, – уверенно сообщил Карл.

– Понимаешь толк. Камешек из Африки.

– Африка большая. Но камень гранили в бывшем Союзе.

– И это правда.

– Ты что, Качан, ювелирный магазин ограбил? Или подпольный цех организовал? – усмехнулся Карл, понимая, что Качан на подобные подвиги не способен, при его комплекции не в каждую дверь и боком пройдешь. Да и, занявшись наркотой, не будешь ставить магазины.

– Все это богатство за половину «лимона» отдам.

– Ты что-то спутал, – Карл отодвинул от себя коробку, – я не барыга, чтобы паленые камни и рыжье скупать. У меня призвание другое.

– Камни чистые. Я законный бизнес предлагаю. Все документы при них. Если хочешь, я тебе на каждый из них потом даже магазинный чек предоставлю. Через ювелирку пройдут. Ты налом со мной расплачиваешься и камни забираешь.

Карл смотрел на давнего знакомого невинными, как у ребенка, глазами.

– Я не знал, что ты идиот. На хрена мне камни? Телкам дарить? Да и нет у меня таких денег.

– Они стоящие, – убеждал Качан, – ты не для себя возьми. Монгол к тебе прислушивается. В общаке им самое место. Если правильно поставить, через год их в два раза дороже толкнуть можно. Мне хрусты край как нужны, не для себя. Нужные люди попросили.

Карл бросил на камни пристальный взгляд. В предложении Качана имелся смысл.

– Откуда камни?

– Не могу всего сказать, – торопливо шептал Качан, – таджики помогли краем в одно большое дело войти. Тут и Азия, и Европа, и Африка закручены. Если сумею камни на наличку быстро перемолотить, в долю упаду. А потом, Карл, если мне поможешь, я и тебя подключу. Главное – схему правильно отстроить. Как проложим рельсы, так и дальше по ним поедem.

– Я не телефонный аппарат, чтобы меня подключали, и не паровоз в твоём деле. Если ты собираешься потом мне чеки на каждое кольцо выдать, значит, твоим друзьям полученные деньги отмыть надо, легализовать.

– А что в этом стремного?

– Я втемную не играю. Если ввязываюсь во что-то, то должен наверняка знать, откуда ветер дует. Кто и за чем стоит. Рассказывай схему.

– Не могу всего рассказать. Насчет отмывки – это ты правильно решил. Люди они большие и с еще большими людьми дело имеют по всему миру. С ними камнями рассчитались. Если камни через магазин пропустить, то лаве за них чистым станет. Никто же у покупателя паспорт не спрашивает, адрес не записывает. Не интересуется, где он деньги взял...

Карл слушал и разглядывал кольца с камешками. Он достал очки, но надевать их не стал, смотрел сквозь стекла, сжимая оправу в руке. На каждом кольце стояла проба и заводское клеймо. Было такое впечатление, что Качан просто позаимствовал их на время с заводского

склада, чтобы потом аккуратно, под роспись сдать назад. Так менты делают, когда подставу готовят. Дослушав откровения до конца, законный понял, что большего Качан просто не может сказать – боится. Ни одной фамилии не прозвучало.

– ...Ну что, берешь?

– Мне твои камни не нужны, но если Монгол решит, то, считай, тебе повезло. – Карл положил очки на стол.

– Перетрешь с ним?

– Подумаю.

И тут Карл почувствовал, что ему стало неуютно в этом доме. Интуиции он доверял. Сколько раз она уже спасала ему жизнь. Бывалый зэк – он, как зверь, чует приближение опасности. Холодок появился в сердце, легкий, но тревожный. Так случается, когда внезапно видишь покойника.

– Я подумаю, – пообещал Карл.

Глаза Качана зажглись надеждой.

– Цена хорошая. Камни стоящие.

– Я не барыга, – Карл подал на прощанье руку.

Пальцы Качана показались ему холодными и влажными, возникло непреодолимое желание вытереть руку. Обижать хозяина не хотелось, поэтому Карл достал носовой платок и сделал вид, что промокнул лоб, а когда прятал платок в карман, незаметно вытер ладонь.

– Провожать не надо, – остановил он Качана.

Уже стоя у машины, Карл оглянулся. В открытом окне виднелся Качан, он сжимал под мышкой шахматную коробку. «Волга» завелась с пол-оборота. Карл виртуозно развернул машину и вывел ее на дорогу через узкие ворота. Свет фар скользнул по густым придорожным елкам, заплескал на блестящем асфальте. Туман клубился по кюветам.

Качан проводил взглядом «Волгу» Карла. Что-то тревожное почудилось ему в рубиновом свете габаритных огней, и он покрепче прижал к себе шахматную доску. Это чувство осталось и после того, как машина скрылась с глаз.

Всего тридцать километров от Москвы, а темень и глушь здесь такая, будто забрался на край света. Но это только ночью, днем здесь светло и торжественно.

Казалось, мир кончается там, где обрывается свет дворового фонаря. Тут же вспомнились таджикские горы. Там темнота куда страшнее подмосковной. Мрак кажется таким густым, что его можно пощупать, и приходит он не постепенно, а валится на голову за считанные секунды после захода солнца.

Качан выругался про себя, канализации в доме не было, и приходилось всякий раз выходить на улицу. Он не стал заносить доску с кольцами наверх, сунул ее в тумбу под телевизором.

Туалет стоял в самом углу участка, заслоненный от чужих взглядов кустом гортензии, разросшейся до чудовищных размеров. И света в туалете не было, приходилось довольствоваться тонким лучиком, пробивавшимся из окошечка, прорезанного под самым потолком.

Качан выбрался из тесного туалета на свежий воздух и только тогда забросил подтяжки на плечи. Он уже прошел половину дороги к дому, когда увидел свежие влажные следы на бетонном крыльце. Подошвы рифленых ботинок отпечатались предельно четко. Кто-то, пока он ходил, успел пробраться в дом. Качан еще и не успел испугаться, когда ему в спину уперся холодный ствол пистолета.

– В дом иди, – прозвучал под ухом вкрадчивый шепот.

Тяжело ступая, Качан поднялся на ступеньки крыльца. Дверь в дом осталась приоткрытой. Ствол ни на секунду не отрывался от его спины.

– Свет не зажигай, – посоветовал идущий сзади.

Качан успел рассмотреть в зеркале размытый силуэт, но и его было достаточно, чтобы отбросить мысль одолеть высокого и крепко сложенного конвоира голыми руками.

В гостиной за журнальным столиком сидел незнакомец в сером костюме. Под строгими штанами нелепо смотрелись грубые армейские ботинки на толстой рифленой подошве.

– Не ждал гостей, Качан? – развязно произнес незнакомец и хозяйским жестом указал на свободное кресло.

– Не приглашал, потому и не ждал, – попытался сохранить достоинство Качан, но колени сами подогнулись, и грузное тело опустилось в мягкое кресло.

Только после этого вышел на свет и тот, кто привел его в дом. На нем был черный тренировочный костюм и лыжная шапочка, натянутая по самые глаза. Острый загорелый нос торчал из-под нее, как вороний клюв.

«Мент, – мелькнула у Качана мысль, – как есть мент. А тот, в армейских ботинках, – конторщик».

Ошибиться он не мог. У всякого мента, во что бы он ни был одет, чем бы ни был занят, есть что-то неуловимое во взгляде, выправке. Качан осторожно, стараясь не вертеть головой, осмотрелся. Нет, в гостиной, кроме двоих незваных гостей, больше никого не было.

– Чего надо? – осмелел он.

– От тебя – ничего, – спокойно ответил мужчина в сером костюме, достал из кармана мобильник и, быстро набрав номер, сообщил в трубку: – Мы на месте, все в порядке, подъезжайте.

Качану показалось, что о нем на время забыли. Противно тикали кварцевые часы на стене гостиной. До того как Карл обратил на них внимание Качана, тот даже не задумывался об их существовании.

Не прошло и пары минут, как послышался гул моторов. У ворот дома остановились две машины: пикап с вместительной будкой и «Волга» с милицейскими номерами. Фар не гасили. Из «Волги» выбрался холеный мужчина в светлом плаще, белоснежный шарф свисал с его шеи. Жесткие черные волосы окаймляли смуглое лицо. Умные глаза устало смотрели на мир. Шофер остался ждать пассажира за рулем. Подобрав полы плаща, мужчина легко взбежал на крыльцо, он не прикоснулся к ручке – толкнул дверь плечом. Мимоходом глянул в зеркало и, казалось, остался недоволен своим отражением. В гостиной он молча посмотрел на Качана, затем в его глазах блеснули искорки радости.

– Посмотри в тумбе под телевизором, – осклабился он и тут же, заметив замешательство на лице Качана, добавил: – Угадал.

Не успел Качан опомниться, как шахматная доска уже стояла перед ним. То, что менты явились без ордера, не предъявили документов, не прихватили понятых, оставляло шанс договориться.

– Игрушки не мои, – предупредил он, – серьезных людей. С ними вам и разбираться придется. Ответите по полной. Они просто так этого не оставят.

Брюнет в светлом плаще пожал плечами:

– Чьи это игрушки, я знаю. Люди они в самом деле серьезные. А ты не в свое дело полез, Качан. В долю захотел упасть? Не получится. – И, не дождавшись ответа, произнес: – Забирайте его.

– Пошел! – мужик, облаченный в спортивное трико, положил Качану руку на плечо. Пока выходили на крыльцо, толстяк пытался сориентироваться.

«Эти двое – мент и конторщик, – лихорадочно соображал Качан, – но кто третий? Он не мент, это точно. То ли араб, то ли еврей. А слушаются они его, как „шестерки“. Куда...»

Куда его ведут, Качан додумать не успел. К его затылку приставили ствол, и тут же раздался негромкий выстрел. Толстяк не успел ничего почувствовать, пуля перебила шейный позвонок, он рухнул лицом в высокую траву. Любитель спортивной одежды смотрел не на труп – в своей работе он был уверен, а на то, как из глушителя стекает струйка дыма. Подошел водитель пикапа.

– На хрена ты здесь его кончил? – спросил он, закуривая. – Тяжелый боров. Ты бы его к машине подвел, там бы и пристрелил.

– Не умничай, Стас. И так дотащим, – из кармана убийца достал черный полиэтиленовый пакет и натянул его на окровавленную голову Качана, – умело перевязал горловину клейкой лентой. – Герметично, так мы даже обивку не испачкаем. А тут его пристрелил, потому что за воротами он бы рвануть мог. Не хотелось в темноте за ним гоняться.

Мужчины подхватили тело и поволокли к пикапу. С трудом забросили его в фургон, где лежал, запакованный в целлофан, еще один покойник.

– На ключ закрой, не хватало еще, чтобы они по дороге вывалились.

Пикап развернулся и выехал на шоссе. По дороге мужчины молчали, скука читалась на их лицах. Лишь у ворот пригородного кладбища пассажир произнес:

– Посигналь.

Дважды коротко прозвучал клаксон. К запертым кладбищенским воротам подбежал пьяноватый сторож и, прикрываясь от яркого света фар, пытался разглядеть подъехавшую машину. Фары погасли.

– Свои, – крикнули ему. – Не узнаешь, что ли?

– Хрен вас тут узнает, – сторож зазвенел связкой ключей и заглянул в окно машины. – А, здорово, Стас. Давненько не видел. Таскать вам – не перетаскать.

– Сплюнь три раза. Радости в этом мало. Ты почему на службе пьяный?

– Во-первых, – усмехнулся сторож, – я не на службе, а на работе, это ты погоны носишь, во-вторых, даже выпив, работу несу исправно.

Кладбищенские ворота со скрежетом отворились. Пикап покати́л по аллейке между рядов могил. Сторож не стал закрывать ворота, знал, что гости долго не задержатся. Он вернулся в сторожку к накрытому столу, где его дожидались двое могильщиков, решивших скоротать ночь за выпивкой. День выдался удачный – успели закопать семерых покойников, на память о каждом из них осталось от неутешной родни по пакету с закуской и по бутылке водки. Закуски был явный перебор, потому ели без аппетита, и алкоголь особо не разбирал, несмотря на обилие выпивки.

– Кого это принесло? – поинтересовался молодой могильщик.

– Менты, – безучастно отвечал умудренный кладбищенской жизнью сторож, – раньше они часто приезжали. Теперь редко.

– Чего так?

Полбутылки поделили по-братски, не чокаясь выпили, мысленно поминая очередного покойника.

– Молодо-зелено, – вздохнул сторож. – Ты сколько на кладбище работаешь?

– Второй месяц, – с трудом отозвался могильщик, давась теплой водкой.

Его пожилой коллега выпил степенно и старательно зажевал куриной ножкой.

– Это раньше высшую меру в исполнение приводили.

– Стреляли осужденных, что ли?

– Расстреливали, – поправил сторож, – своих расстрельных жму́ров менты сюда со всей Москвы и области возили. Видал участок с номерными пирамидками, ближе к лесу?

– Видал.

– Он и есть. Теперь там менты неопознанные трупы закапывают. А еще тех, кто к пожизненному приговорен и коньки в тюрьме откинул. Трупы убийц родственникам не отдают. Никто, кроме ментов, их могил и не знает. Понял?

Молодой могильщик перекрестился и вопросительно посмотрел на непечатую бутылку водки, сам налить не решался.

– Я думал, их в крематории сжигают, а пепел по ветру развевают. Кого они сейчас привезли?

– Если бы привезли бомжа, который на улице окочурился, то днем бы закопали. Значит, осужденного. Поставят пирамидку с номером и свалят. Хорошо, хоть сами закапывают. А могли бы и тебя заставить. Я один раз видел, как они труп привезли, Стас сказал, что тот мужик месяц в пруду пролежал, а потом еще месяц в морге. Зрелище не из приятных, аппетит не возбуждает. Я потом две недели на мясо смотреть не мог.

Сжалившись над молодым, сторож свинтил пробку и налил по полстакана.

– Помянем его. Кем бы он ни был, убийцей, террористом, бомжом, все равно человек, и он жить хотел, – сторож, сжимая стакан в руке, привстал и посмотрел в мутное окно. – А может, это и она. Женщин тоже к пожизненному приговаривают.

Далеко, у самого леса, виднелись два светлых пятнышка – фары пикапа. Сторож близко прищурился и разглядел две человеческие фигурки.

– Помянем, – согласился молодой могильщик, – не знаю уж как насчет царствия небесного, но пусть земля ему пухом будет, – и перевернул стакан над широко открытым ртом.

Стас – водитель пикапа, чертыхаясь, выгребал со дна могилы вороха прошлогодних перепревших листьев.

– Вот и пойми, лес еловый, а листья в яме березовые. Откуда их нанесло? Накопают могил экскаватором, а потом они пустые по полгода стоят. Однажды собаку дохлую доставать пришлось. Свалилась, наверное, и от голода окочурилась. Худая была. Тут вой не вой, никто на помощь не придет. В эту часть кладбища народ заходить не спешит.

– Зачем ты собаку доставал? Закопал бы вместе со жмуrom.

– Не я. Тогда мы со срочниками приехали. Они и достали.

На поверхность вылетела еще одна охапка листьев и показалось вспотевшее лицо Стаса:

– Лопату дай.

Стас углублял могилу. Копал ровно, не останавливаясь, как заправский могильщик, старательно зачищая края ямы. Вскоре его голова скрылась под землей.

– Все, порядок, – Стас положил лопату поперек могилы и, ухватившись за черенок, как за перекладину спортивного турника, ловко выбрался из ямы.

Дышал он ровно, работа не утомила его.

– Прикури сигарету, у меня руки грязные, – попросил он.

– Не грязные, а в земле.

– Один хрен, чистыми их не назовешь, – пробормотал Стас.

Его спутник в спортивном костюме прикурил сигарету, вставил в рот Стасу. Тот с удовольствием затянулся. Ветер нес дым над одинаковыми покосившимися деревянными пирамидками с номерами на ржавых табличках. Этот уголок кладбища был мрачен и при дневном свете.

– Иногда мне страшно становится, – признался Стас.

– Из-за чего?

– Рано или поздно все всплывет. Отвечать придется.

– Никогда, – убежденно сказал убийца. – Не мы первые, не мы последние этим занимаемся. Нужно дело, если за него неплохо платят. Ты-то никого не убиваешь, только возишь и закапываешь. Меньше думай об этом.

Стас еще раз затянулся, выплюнул сигарету в яму.

– Ладно. Быстрее кончим – спокойнее на душе станет.

Он сел за руль пикапа, развернул машину и подогнал ее задом к могиле, распахнул дверцы и зажег свет в фургоне.

Тусклая лампочка осветила два тела – одно, как в кокон, запакованное в черный полиэтилен, другое с мешком на голове просвечивало через пленку.

– Беремся.

Мужчины ухватили мертвого Качана за ноги и сбросили в яму. Глухой удар о дно полетел к лесу и вернулся эхом. Стас посветил в могилу фонариком.

– Красиво лег, как там и был.

Мужчины в две лопаты засыпали Качана землей. Наверх бросили в яму тело скончавшегося в подземном переходе бомжа. Вскоре над двойной могилой уже высился холмик, из которого торчала деревянная некрашеная пирамидка. Стас забрался в фургон, осмотрел пол:

– Чисто. Кровь не натекла.

Когда Стас вновь сел за руль, руки его дрожали.

– Ты же не первый раз. Чего волнуешься?

– Сейчас пройдет. Выпить бы.

– За рулем – не советую. Дома – пожалуйста. На пользу пойдет, если выпить немного.

Проехав распахнутые кладбищенские ворота, Стас посигналил: мол, можно закрывать. Изрядно захмелевший сторож даже не стал выходить из прокуренной комнатухи, лишь махнул рукой.

– Покойники не разбегутся, – бросил он могильщикам, разливая остатки водки по стаканам.

Пикап притормозил перед выездом на шоссе, пропуская огромную фуру, и повернул на московское направление. И хоть до столицы еще оставалось километров двадцать, ее уже было видно – зарево ночного города подсвечивало низкие облака.

* * *

Карл обнаружил пропажу очков, когда уже проехал половину дороги – сунул руку в карман, чтобы достать сигареты, и ощутил ладонью пустой кожаный футляр. Очками Карл пользовался редко, лишь когда приходилось читать мелкий текст или рассматривать детали рисунков. Он мог неделями не доставать их из футляра. Забудь он их в другом месте, где бывал часто, никогда бы не вернулся. Но законный не был уверен, придется ли ему еще раз провести Качана.

«Не видел его десять лет. Дай бог еще десять не видеть». Карл припомнил, что ходил слух на зоне, будто Качан один раз стукнул ментам, но стукача вроде бы нашли, а раз так, то и думать об этом вредно... Карл развернулся и покатил назад.

Было жаль потерянного зря времени, попусту суетиться Карл не любил. «Волга» летела над дорогой, мчалась по осевой, благо ни одной встречной машины не попало. Уже от поворота с шоссе Карл заметил неладное. Свет горел не только во дворе дома, но и перед воротами. Даже не успев подумать, что делает, законный погасил фары и съехал в лес. Машину пару раз качнуло на корнях, и «Волга» встала как вкопанная. В наступившей тишине Карл услышал, как спокойно бьется его сердце. Он даже не стал закрывать дверцу, пошел к дому напрямую, через лес. У самых ворот стояла «Волга» с голубыми милицейскими номерами. Дверь в дом была открыта.

Карл стоял на опушке, прислонившись к старой сосне, слившись с лесом и темнотой.

Две длинные тени упали на крыльцо, сломались на ступеньках. Вначале Карл не видел лиц вышедших мужчин, свет лампы бил им в спину. Но он напрягся, слегка подался вперед. Один из них хромал – припадал на левую ногу. Можно изменить лицо, но нельзя изменить походку. И законному показалось, что он уже однажды его видел.

Мужчина в светлом плаще и белом шарфе повернулся в профиль, под мышкой он сжимал шахматную доску. Карл затаил дыхание, но не потому, что боялся обнаружить себя, он хотел услышать голос, чтобы развеять последние сомнения. Но голос так и не прозвучал, говорил другой мужчина – в светлом костюме, бесшумно ступавший в ботинках на толстой подошве.

– ...вы мне позвоните, когда обо всем договоритесь, – дождавшись кивка, продолжил: – В случае если мой телефон не ответит, я буду ждать вас послезавтра в восемь у выхода из гостиницы. Не пойму до сих пор, почему вы остановились в гостинице «Минск»? Хотя у вас могут быть свои резоны.

Мужчины сели в машину. «Волга» неторопливо поехала к шоссе. Карл вышел из-под прикрытия деревьев. Войдя в дом, он сразу почувствовал, что тот пуст. Но все же поднялся на второй этаж. В небольшой комнатке со скошенным потолком стоял письменный стол, за распахнутой дверцей одной из тумб виднелся открытый сейф, ключ торчал в замке. Карл, присев на корточки, заглянул вовнутрь: пистолет с двумя запасными обоймами, тонкая пачка долларов – тысячи на две – лежала на верхней полке, нижняя вполне могла принять на себя шахматную доску. Законный не притронулся ни к деньгам, ни к оружию, спустился вниз. На журнальном столике, на том самом месте, где он их оставил, лежали очки и стояла недопитая чашка остывшего кофе. Больше дом ни о чем не мог рассказать.

Карл пробыл в доме совсем недолго – минут пять или семь. Вскоре он уже мчался в машине по шоссе в надежде нагнать «Волгу» с милицейскими номерами, чтобы еще раз взглянуть на лицо мужчины в светлом плаще, но до самой Москвы она не попала ему на дороге. То ли ехала быстрее, то ли свернула куда?

Было уже два часа ночи, когда Карл наконец отыскал авторитетного таджика со странным погонялом Кальмар. На самом деле звали того Кармаль, но в советской зоне ээки тут же исковеркали его настоящее имя в более привычное для себя, и это было единственное, с чем он смирился в неволе. Кальмар в молодости был и не уродом, и не красавцем, но с годами стал привлекателен именно старицкой красотой, когда седые волосы и белоснежная борода придают лицу благородство.

Москва ничуть не испортила его прирожденную восточную дикость. В квартире Кальмара практически не было мебели. Единственная книга – Коран. Стены и пол устилали толстые ковры. Таджик и на зоне никогда не стремился стать своим среди блатных, копировать их поведение. Ему удалось сохранить свою самобытность даже за колючкой. Он умудрился создать свою собственную масть, ни на что не похожую, не имеющую названия, и жить по ее законам. Одинок и гордо. И ээки, и администрация уважали его за твердость и силу духа. Никогда и никто не видел Кальмара злым или улыбающимся, таджик всегда оставался спокойным, говорил тихо, но доходчиво. И если хотел, от его спокойных тихих слов кровь стыла в жилах. Кальмар был единственным из занятых поставкой наркоты в столицу, кого Карл на самом деле уважал. Чем бы ни занимался таджик, ему всегда удавалось оставаться цельной личностью.

– С чем пришел? – поинтересовался Кальмар.

Было не понять, то ли он еще не ложился спать, то ли только поднял голову от подушки. Кальмар полулежал на ковре. На нем был какой-то странный белый балахон, доходивший до самых босых ступней, и белый платок, накинутый на голову, – слово «Аллах» нельзя произносить с непокрытой головой, а оно может сорваться с губ случайно.

Искать Кальмара пришлось долго, собственного телефона таджик не имел принципиально. Карла удивила выдрессированность охранников – провели к своему господину и расправились в небольшой квартире. Не видно и не слышно, будто нет никого.

– Извини, что поздно, – Карлу пришлось сесть на ковер, поджав под себя ноги. Туфли он оставил в прихожей, так тут было заведено. – Перетереть надо одно дело. Качан на тебя работает?

– Каждый человек в первую очередь для себя старается, – спокойно заметил Кальмар, – если ты хочешь узнать, знаю ли я его, то – да.

По-русски Кальмар говорил чисто, почти без акцента, даже слишком правильно для человека, выучившего язык в зрелом возрасте на зоне.

– Дело такое. Мутка какая-то пошла, – перешел к цели своего визита Карл, – скажу, что знаю, тебе решать, что делать. Позвонил мне Качан. Десять лет не виделись, а тут вспомнил. Был я у него сегодня.

Кальмар сдержанно кивнул, давая понять, что знает, где обитает Качан.

– Замутил он что-то. Предложил мне рыжье и камни. Я сказал, что подумаю, а потом, когда вернулся через полчаса, у его дома машина с ментовским номером и двое чудаков на букву «М». Один – мент в костюме, а второй – вряд ли, на иностранца похож. И у этого второго коробка под мышкой, та самая, что мне Качан предлагал. Уехали. А самого Качана нигде не видно. Не мог он им сам коробку отдать, ведь я ему еще ни «нет», ни «да» не сказал.

– Знаю я, что он тебе предлагал. Говорил ему, чтобы не лез. Значит, нарвался.

– Так ты все наперед знал?

– Я этого не сказал. Карл, тебе Качан что-нибудь должен остался? Ты в него бабло вложил?

– Нет. Тебя предупредить хотел.

– Значит, так, Карл, я только тебе скажу, другому бы и словом не обмолвился. Если тебе Качан должен остался, я за его долги отвечу. Забудь то, что видел.

– Он ментам стучал?

– Если менты у него были или он у них, это еще не значит, что Качан стучал. Тебя на зоне тоже не один раз в штаб таскали.

– Оттуда у меня дорога одна была – в ПКТ.

– Знаю. Я тебя уважаю, Карл. Потому и советую, забудь про Качана так, словно его и не было.

– Я тебе ничего нового не открыл?

– Могу еще сказать. Это не мои люди сделали. Я Качана предупреждал, чтобы не лез, а он не послушал, – сонные глаза Кальмара скользили по лишенной мебели комнате.

Карл поднял указательный палец:

– Ты знаешь того, кто приезжал с ментом в дом Качана? С виду он похож на араба.

– Я его никогда не видел, если людям надо, они ко мне сами приходят.

– Он в гостинице «Минск» остановился.

– Может быть. Я его знаю как американца Миира. Вот и все. Большого мне не надо. Не виделись мы никогда.

Карл поднялся с плотного ковра, кивнул Кальмару на прощанье – рукопожатий тот не признавал. Из кухни уже выходил охранник, чтобы проводить гостя до двери.

– Постой, – окликнул Карла Кальмар.

– Не хочу знать, что ты задумал, но играть взялись большие люди, даже я не все знаю. Не мешайся у них под ногами, отойди в сторону, Карл. Спасибо, что зашел, предупредил. Если узнаю что-нибудь новое, я тебя найду.

– Запиши мой телефон.

Кальмар прикрыл глаза ладонью:

– Если я сказал, что найду, значит, найду. Не мне тебя учить, ты сам жизнью битый, но и Монголу ничего не говори о встрече с Качаном, если не спросит. Так всем лучше будет.

– Я подумаю над твоими словами. Спасибо, что предупредил, – Карл покинул комнату.

Кальмар остался в одиночестве. Проводивший законного охранник вновь затаился, исчез в глубине квартиры. Яркая лампочка без абажура горела под самым потолком гостиной. Старый таджик с изборожденным морщинами лицом поднял книгу, лежавшую у ног, и принялся читать то, что и так знал на память, – Коран. Указательный палец его правой руки скользил слева направо по страницам книги, левой рукой Кальмар поглаживал редкую седую бороду.

Глава 2

Николай Бунин извлек пользу из науки Карла. Не зря тот старался. Старый вор в законе все же добился, чего хотел. Наконец молодой человек, а Бунину не исполнилось еще и двадцати, понял, что свобода и постоянная женщина несовместимы. Нельзя ни к кому привязываться. Женщине нужно одно – закабалить мужчину, чтобы он появлялся подле нее по первому свистку и ложился у ног, словно собака. Мужчине же нужна свобода.

Сын покойного медвежатника Струны, кореша Карла, последнюю неделю регулярно играл на клавишах в подземном переходе. Играл не потому, что ему нужны были деньги, не по привычке, он выходил присматривать себе новую девушку. Пока он стоял и играл, то старался не думать о том, что ему предстоит вечером. Лишь скользил взглядом из-под темных очков по женским лицам.

Легко и безопасно рассматривать женщин, когда они уверены, что ты слепой и не видишь их. Тогда они не притворяются, выражение их глаз искреннее. Да-да, прописная истина, глаза – зеркало души. Но только при условии, если владелица зеркала не догадывается, что в ее душу пытается заглянуть мужчина. Играя для прохожих на клавишах, заставляя их останавливаться и слушать, Николай Бунин практически не думал о музыке, он рассматривал лица.

«Вот, красотка в красной юбке, – думал он, – с виду привлекательна. Фигура точеная, взгляд умный. Ей лет двадцать – двадцать пять. Возраст для меня подходящий. Всегда неплохо, если женщина немного старше тебя. Но слишком чувствительна. В любви будет думать не о партнере, а только о себе. Мужчины уже успели избаловать ее, она знает себе цену. К такой лучше не подходить. А вот – простушка, но такой она только кажется. Волосы стянуты в тугую хвост на затылке. Она знает, что стоит сорвать резинку, и волосы рассыплются по плечам, мгновенно преобразив ее до неузнаваемости. Глаза у нее, как у ведьмы. Хотя, кто тех ведьм видел живьем? С ней тоже нельзя связываться, можно влюбиться. Кажущиеся простушки – самая опасная категория девушек. Не успеешь опомниться, а тебя уже захомутали. Тебе кажется, что чудесное преобразование в ведьму совершается только для тебя и ты один знаешь ее тайну. Под видом простушки всегда скрывается тайная страсть, желание исподволь подчинять... А эта девушка в тонком свитере – вполне подходящий для меня тип. Лучшего и не надо. Если, конечно, рассчитывать не на долгие отношения, а на одну встречу...»

Бунин успел до четырех вечера рассмотреть и изучить с сотню девушек. Молодой человек сам удивился своей придирчивости. Казалось бы, что сложного, отыскать в многомиллионной столице, где собрались самые красивые женщины страны, девушку на один вечер? Всего два типажа показались ему подходящими. Но даже к ним он не стал подходить.

Бунин присел на корточки и принялся выгребать из футляра от электронных клавиш деньги, которые ему набросали за день прохожие. Он мог бы сделать это очень быстро, но нужно было притворяться слепым. Бунин специально уронил купюры, зазвенели на гранитных плитах монеты. Тут же рядом с Николаем возник блатной, присматривающий за подземным переходом. Погоняло он носил звучное – Фантомас, в свои тридцать лет он был лысым, как колено. Фантомас, зная о дружбе Бунина с законным Карлом, старался пособлять ему. Он помог собрать купюры и даже рассортировал их. Крупные деньги подал отдельно:

– Эти в кошелек положи. А тут мелочовка, можешь в карман запихнуть.

– Сколько всего?

– Не считал. Баксов сто – сто пятьдесят.

– Не густо.

– Ты сегодня ошибку допустил, надо было деньги частями из футляра доставать. Когда в нем денег мало, публика охотнее бросает. Ты не видишь этого, а я за приходом слежу,

чтобы никакая сука сволочная твоему лаве ноги не приделала. В другой раз не забывай деньги частями забирать. Я за всем уследить не могу.

– Спасибо за совет.

Фантомас на заработок Николая не зарился. Уже несколько лет, как Бунин благодаря Карлу никому не платил за право играть в переходе. Он не торопясь свинтил ножки у клавишей и запаковал их в футляр. Отказавшись от помощи Фантомаса, занес электронный инструмент в цветочный киоск. Продавщица, молоденькая девушка Катя, обрадовалась появлению слепого уличного музыканта, эмоций своих не скрывала:

– Пришел, Николай. Не запылелся. Я уж думала, ты обо мне забыл. – Катя была так проста, что продолжала строить глазки «слепому» музыканту.

– А нам есть что вспомнить? – в тон девушке поинтересовался Бунин.

– Сейчас – нет. Но все можно исправить.

Николай поставил клавиши за прилавок:

– Пусть тут постоит до завтра. Я не сразу домой иду. Неохота с ними по городу таскаться.

Катя, спрятав под прилавком руки, орудовала маникюрными ножницами. Ловко обреза ла почерневшие края с розовых лепестков. Покончив с огромной желтой розой, она взбила пальцами цветок, отчего тот сразу же стал пышным и свежим. Обрезки лепестков осторожно смела с подола юбки в ладонь и бросила в пластиковую урну.

– Погоди-ка, – Бунин скользнул рукой за прилавок и перехватил руку цветочницы, завладел ножницами, – не стыдно тебе покупателей обманывать?

– О чем ты? – изобразила удивление Катя. – Я ногти себе обстригала.

Николай нащупал длиннющие Катины ногти, он все видел, но приходилось притворяться слепым.

– Врешь.

– Вру, – согласилась Катя, – я подвявшие розы обстригаю. А что прикажешь делать? Если не продам, хозяин с меня деньги высчитает.

– Кто у тебя хозяин?

– Гейдар.

– Азербайджанец с писклявым голосом? Он еще вместо «был», всегда «бил» говорит. – Николай тут же вспомнил толстого азербайджанца с широкими, по-женски округлыми бедрами. – Я с ним поговорю, он тебя обижать не будет.

– Не надо, – забеспокоилась Катя. – Гейдар – хозяин, каких еще поискать надо, он ни разу ко мне не приставал. Вот Ленка из конца перехода, она комнатными растениями торгует, мне всегда жалуется, что ее хозяин спать с собой заставлял. А не согласится – уволит. Ленка – она красивая, и жених у нее есть, на рынке работает, осенью свадьбу сыграть собрались. Если узнает, убьет.

– Захотела бы твоя Ленка, не спала бы с ним, наверное, ей так нравится, – заметил Бунин.

– Тебе легко говорить. Ты мужчина. А нам, женщинам, выбирать не приходится. Мне еще повезло. – Катя, не стесняясь, разглядывала Николая, от ботинок до макушки, глаза ее горели неудовлетворенным желанием.

«Помани ее пальцем, и побежит. Может, и остановить свой выбор на ней? Даже домой к себе водить не придется. Если надо, дверь на защелку закроет и тут отдастся, за прилавком, в стекляшке киоска. Незатейливая. Дура, но порядочная. Нет, нельзя с ней, она всегда под боком будет. Если бы для одной, двух встреч, то подошла бы. Постоянно – с тоски зайдешься. Проста она, а простота – хуже воровства».

– Давай покурим, – предложила Катя и, не дождавшись согласия, закрыла дверь на ключ, вывесила объявление «Технический перерыв».

Девушка она была хозяйственная, имела все свое: и сигареты и зажигалку. Катя присела на корточки, спрятавшись за прилавком.

– И ты садись, чтобы нас видно не было, – она потянула Николая за руку, пришлось повиноваться.

Бунин и Катя сидели на корточках, над прилавком вился легкий сигаретный дымок.

– Я красивая? – спросила девушка.

– У тебя голос приятный.

– А как вы, слепые, определяете, красива девушка или нет?

– Что касается меня – на ощупь.

Не успел Николай опомниться, как Катя схватила его руку и прижала к своему лицу.

– Мне нужно знать, красивая я или нет. Только честно говори.

Бунин почти не испытывал никаких чувств, когда скользил пальцами по лицу девушки-цветочницы, он уже успел настроить себя на то, что никогда между ними ничего не произойдет. Когда он прикоснулся к ее подбородку, Катя заметно вздрогнула, она уже готова была к тому, что рука переместится ниже – на шею, на грудь, задышала чаще. Бунин отнял руку, поднес ее к своему лицу, глубоко вздохнул.

– Ты – клевая.

– Правда? – вырвалась у девушки, и только после этого она сообразила, что слово «красивая» так и не прозвучало.

– Но духи смени на менее терпкие.

– Ты – гад.

– Ты просила сказать правду.

– Девушкам правду никогда не говорят.

– Я пошел, спасибо, что согласилась присмотреть за моим инструментом. Ты, Катя, очень хорошая и красивая, помни об этом. – Николай нащупал ключ в замке и вышел из киоска, туда сразу же нырнул дорого одетый мужчина и попросил завернуть в бумагу три желтые розы из тех, которые так старательно обрезала цветочница.

Разговор с Буниным на Катю подействовал не лучшим образом, она взяла и честно предупредила покупателя, правда, уже получив с него деньги:

– Они долго стоять не будут.

– Мне не надо долго, – подмигнул мужчина, – мне надо впечатление произвести.

– Тогда удачи вам и счастья, – уже дежурными словами, которыми напутствовала всех покупателей мужского пола, добавила Катя.

Николай тем временем выбрался из перехода, он быстро шагал по улице, лишь для порядка постукивая перед собой дюралевой тросточкой. Он промчался два перекрестка и бежал по эскалатору в метро.

«Сегодня я найду достойную девушку для одной встречи. Никакой любви. Только секс. Ну... и, конечно же, чтобы поговорить с ней можно было, чтобы утром стыд не замучил».

В вагоне сквозь темные очки Николай вновь принялся изучать женщин.

«В метро незнакомым мужчине и женщине легче всего узнать друг друга. Достаточно одного долгого взгляда, чтобы понять, получится у меня с ней или нет. Хочет ли она знакомства. Но... я слепой, и этот способ не для меня».

На «Белорусской» Бунин вышел на поверхность, взял билет на электричку, сел в головной вагон. Свободных мест хватало, но он не садился. Поезд уже тронулся, а Николай медленно брел по вагонам, разглядывая пассажиров. Пригодились сегодняшние наблюдения, он не выбирал наугад, а пытался отыскать девушек уже намеченных типов. Один вагон, второй... пятый. Бунин замер, у окна сидела натуральная блондинка лет восемнадцати-двадцати, рядом с ней стояла плетеная корзинка с едой. Девушка читала книгу с зубодробительным названием «Современная французская философия», не замечая ничего вокруг себя, она не подняла голову, даже когда поезд остановился высадить и принять пассажиров. Николай осторожно присел в соседнем ряду. Мысль работала:

«Читает философию, в которой я ничего не смыслю. Не исключено, что умна, если не рисуется перед публикой. Продуктов везет с собой мало. Значит, для себя одной. Стоит рискнуть».

Он нетерпеливо поглядывал на девушку перед каждой станцией, но казалось, она забыла, куда и зачем едет. Читала и читала. Николай ощущал, что она ему все больше и больше нравится. Она оказалась привлекательной, но неброской красоткой, чтобы заметить ее, следовало присмотреться. Девушка беззвучно шевелила губами, проговаривая текст книги, склонила голову к плечу, и от этого стала еще милее.

«Когда же она пойдет на выход?»

Наконец девушка, продолжая читать, поднялась и вышла в тамбур. Бунин, постукивая палочкой, последовал за ней. Наконец-то блондинка обратила внимание на что-то, кроме философии. Здоровый человек сразу чувствует себя неуютно, оказавшись наедине с увечным. Спутница Николая попыталась пропустить его впереди себя, но он стоял с гордо поднятой головой, в стеклах очков мелькали отражения деревьев. Поезд замедлил ход, створки двери с шипением разъехались. Дюралевая палочка заплясала над крутыми ступеньками, Бунин занес ногу, но медлил опустить ее.

– Я вам помогу спуститься? Вы не возражаете? – предложила девушка.

– Пожалуйста. Конечно же... извините... спасибо, – умело изобразил замешательство Николай и вытянул руку в пространство.

Блондинка крепко сжала его руку тонкими, но сильными пальцами и бережно помогла спуститься с поезда. Николай благодарно кивнул и громко позвал:

– Жан! Жан! Я приехал!

Никто ему, естественно, не ответил. Откуда в Подмосковье было взяться мифическому Жану? Блондинка, уже успевшая высвободить руку, замерла.

– Вас должны встретить?

– Должны, – покачал головой Николай, – нам все равно ждать, пока поезд отъедет, посмотрите, нет ли на платформе жирного типа с наглой рожей, скорее всего он сильно пьян.

Девушка старательно осматривала платформу, продолжила она это занятие и тогда, когда поезд отъехал.

– Нет уже никого, все к дачам пошли, – с досадой промолвила она, – подвел вас ваш приятель, не встретил.

– Нет проблем, – беззаботно заявил Николай, – я дорогу знаю, – тут девушка с облегчением вздохнула, – мне Жан ее точно по телефону рассказал. Не ошибемся. Говорил: «Перейдешь железку, потом по асфальту, там до речки, у нее указатель будет. По тропинке и дойдешь. Недалеко».

– Пошли, я вас до речки проведу, – великодушно предложила блондинка, не представляя, что сама загоняет себя в ловушку, – только я спешу, если можно, возьму вас за руку, так быстрее получится.

Бунин шел и с удовольствием ощущал в своей руке тонкие чувствительные пальцы.

– Меня Николай зовут, – представился он.

– А меня – Лера, Валерия, – поправилась блондинка.

– Жан, конечно, урод, – возмущался Бунин безалаберностью своего вымышленного друга, – позвонил, обещал встретить. А сам не пришел, я же у него никогда до этого не был. Хотя его понять можно, компания у него на даче засела. Выпили... парни-девчонки... и о времени забыли.

– У него своя дача?

– Откуда? Родительская.

Асфальт кончился, под ногами зашуршала трава.

– Я тоже на родительскую еду. Мама попросила грядки полить, сушь стоит страшная. Одно плохо, что поливать нужно только после захода солнца. Я бы полила и могла в Москву возвращаться, а мама заладила – один раз вечером польешь, второй раз утром, на рассвете. Ночевать придется, я книгу с собой взяла, чтобы не так скучно было. Речка уже скоро, – предупредила Лера.

Бунин и сам почувствовал это – повеяло влагой, его чуткий музыкальный слух различил мелодичные переливы воды на камешках.

Молодые люди стояли перед мостком, под ним журчала речушка. Лера спросила:

– Про какой указатель говорил вам Жан?

– «Кооператив „Полюс“».

Девушка пожала плечами:

– Я вижу только указатели детских лагерей. Никогда раньше к ним не присматривалась. Ни одного указателя дачного кооператива.

– Но ты же знаешь, где «Полюс»? – убежденно произнес Николай.

– Нет, – растерялась Лера, – я на дачу редко езжу.

– Ладно. Извини, что попросил помочь. Ты иди, а я тут постою, дождусь, когда кто-нибудь пройдет, и дорогу спрошу. Другие люди наверняка знают. Спасибо.

Бунин стоял и ковырял землю палочкой. Лера оглянулась, дорога была пуста, до следующей электрички оставалось чуть больше часа. Сердце ее дрогнуло. Оставить слепого посреди лесной дороги, на ночь глядя, она не могла.

– Давай так сделаем, – предложила Лера, – ты со мной дойдешь до наших дач, а там у кого-нибудь спросим дорогу.

– Если тебе не лень со мной возиться, то так и сделаем. Я быстро пойду, – согласился Бунин, сжимая в своей ладони пальцы девушки.

Он не ощущал никаких угрызений совести. Все происходящее представлялось ему забавной игрой, в которой можно выиграть, а можно и проиграть. Пока он выигрывал. Можно было попробовать поцеловать Леру прямо на дорожке в лесу и тем самым сократить время до возможной близости. Но Николай боялся спугнуть удачу, да и спешить было некуда, он твердо решил, что заночует сегодня у своей спутницы.

«Если максимальный выигрыш – ночь с ней, то играть стоит осторожно».

Бунин ощущал, что Лера доверяет ему. Он не чувствовал себя обманщиком или вором.

«В конце концов, каждый флирт – немножко обман».

Через полчаса за лесом показались крыши дачного поселка, стоявшего в низине.

– Вот мы уже почти и пришли. Видишь, вон под той – блестящей крышей, мой дом, – Лера спохватилась, – извини.

– А что ты такого сказала?

– Я сказала «видишь», – смутилась она.

– Я привык, когда другие так говорят. Я тоже вижу, но по-иному, чем все. Я умею видеть ветер, я вижу спрятавшийся за горизонтом дождь, приближающуюся грозу. Запахи, звуки тоже можно видеть. Они имеют для меня цвет. Твой голос, например, сиреневого цвета. А запах твой – светло-малиновый. Это странно звучит, но именно так я воспринимаю тебя. Жаль, я не могу видеть лиц. Но мне кажется, что ты красивая.

– Не знаю, – пробормотала девушка.

– Тебе неприятно, когда я так говорю?

– Мне непривычно.

– Но это то же самое, если бы другой парень сказал, что у тебя красивые волосы. – Бунин поднял руку и коснулся ее локона: – Они у тебя шелковистые. Ты блондинка?

– Извини, но мы уже на улице поселка, боюсь, нас могут не так понять соседи. – Лера растерялась окончательно.

Бунин в душе хохотал. Он понимал, что целиком завладел ситуацией, и теперь никуда Лера не денется – она в его власти именно потому, что считает его слабым и беспомощным.

Девушка с облегчением вздохнула, когда они зашли во двор дачи, никто из соседей навстречу им не попался, потом могли бы заложить родителям. Она усадила Николая на террасе, увитой плющом, и прошептала:

– Посиди здесь, я пройду, расспрошу про твой кооператив, узнаю, как к нему добраться. Только не ходи, не надо, чтобы тебя здесь видели.

Бунину показалось, что еще немного, и Лера поцеловала бы его в щеку.

Бунин вытащил сигарету, курил, сбрасывая пепел за поручни террасы. Леры не было долго, вернулась она, когда солнце уже клонилось к закату, и длинные тени деревьев накрыли огород. Николай повернул голову на звук шагов. Лера выглядела растерянной, но в глазах ее не было и намека на отчаяние.

– Даже не знаю, что и думать, никто не слышал о таком кооперативе. Ты уверен, что правильно понял Жана?

– Абсолютно. Я никогда ничего не записываю, поскольку прочитать не могу, поэтому память у меня тренированная. Неужели никто не знает?

– Я половину поселка обошла.

– Извини. Придется мне возвращаться.

– Я не могу довести тебя до станции. Мне огород полить надо.

– Я не прошу, не беспокойся, ты и так для меня много сделала. Наверное, это Жан что-то напутал. Выберусь к станции, вернусь в Москву. То-то мать удивится, я сказал, что заночую, а сам вернусь. Займись огородом. – Бунин в мыслях упрекнул себя за то, что упомянул свою покойную мать, без этого можно было и обойтись.

Лера кусала губы, она не скрывала эмоций, не прятала взгляд. Уверенная, что Бунин слепой, девушка было абсолютно искренна в чувствах. Ей хотелось, чтобы случайный гость остался, только она не могла сказать это открытым текстом. И тогда Николай подошел к ней, обнял и поцеловал, вначале в лоб, потом в губы. Поцелуй был недолгим, но нежным.

– Я не поеду ни к какому Жану.

– Почему?

– Меня там никто не ждет.

– А здесь?

– Ты можешь придумать причину, по которой я должен уйти? – по сути, это была наглость, но прозвучала фраза трогательно.

– Я не могу придумать причину, почему ты должен уйти.

– Я помогу полить огород.

И больше между ними не было ничего запретного. Бунин нарочно постоянно направлял шланг не туда, куда надо. Лера смеялась, забыв о любопытных соседях, вырывала шланг, брызгалась.

Когда стемнело, они, насквозь мокрые, вбежали в дом. Прямо в прихожей Лера прижалась к нему, затихла. Николай стянул с нее мокрую майку через голову, обнял.

– Холодно, – прошептала девушка, – как холодно вечерами за городом. Подожди.

Она выскользнула из его рук, положила ладонь на плечо и повела в дом.

– Ты раздел меня, я стесняюсь, – Лера пыталась одной рукой прикрыть грудь.

– Я все равно ничего не вижу, – шептал ей в ответ Бунин.

– Да... да... я забываю.

Посередине небольшой гостиной высился камин, сложенный из красного кирпича с вмурованными в него дикими камнями.

– Постой немного, я сейчас.

Лера опустилась на колени и неумело принялась поджигать газетой сложенные в камине домиком дрова. Наконец пламя уцепилось за отслоившуюся бересту и вскарабкалось по полену к самому верху. Девушка, затаив дыхание, смотрела на то, как язычок пламени, маленький, чуть больше ногтя, пляшет на спиле полена. Она смотрела так пристально, что Бунину даже показалось, будто огонь разрастается не сам собой, а под ее взглядом.

Когда пламя уже бушевало, гудело, трещали дрова, Лера разделась. Она стояла у камина обнаженная, ее белоснежная незагорелая кожа вспыхивала блестками в отблесках огня. Девушка с хитрой улыбкой смотрела на парня, склонив голову к плечу, и Бунину вспомнилось, что точно так же она склоняла ее в вагоне, когда читала книгу по современной французской философии.

– Какого я цвета? – спросила Лера.

Николай прикрыл глаза, глубоко вдохнул согретый камином воздух, ноздри его затрепетали:

– Ты как малина со сливками.

– Глупый, со сливками делают клубнику.

– Ты на вкус, как клубника.

Николай шагнул к Лере, протянул руки, она пригнулась и засмеялась. Бунин видел ее, легко мог схватить, даже если бы закрыл глаза, но он подыгрывал девушке. Она на цыпочках ходила по гостиной, а он ловил ее. Лера дышала часто, возбужденно, ее соски набухли, удлинились. Она подхватила с дивана плед и постелила его на полу прямо возле пылающего камина.

– Иди ко мне, – проговорила она. – Только сначала разденься, ты еще весь мокрый.

Они обнялись стоя на коленях лицом друг к другу. Близкое пламя жгло кожу, но никто из них не спешил пошевелиться. Ладонь Николая заскользила по спине девушки. Он боялся сейчас только одного – чтобы она не оказалась девственницей. До такой степени обмана он не мог позволить себе дойти. Ведь знал же заранее, что больше встречаться с Лерой не станет, – исчезнет, растворится на следующий день в огромном городе, где двое людей могут прожить долгую жизнь и ни разу не встретиться.

Спина девушки нервно вздрагивала, губы скользили по щеке парня, к его губам.

– Ты можешь снять очки? – прошептала она. – Я обещаю, что не испугаюсь.

– У меня глаза абсолютно нормальные, только ничего не видят. Сними сама.

Неуверенно Лера коснулась темных очков и медленно сняла их, положила на каминную полку. Она пристально смотрела в глаза Бунину, пытаясь уловить расширение зрачков, дрожание глазного яблока. Николай, уже обманувший в своей жизни не одного врача, испытание выдержал. Лера не усомнилась в его слепоте. Она нежно поцеловала Бунина в закрытые веки. Ноги ее оставались согнутыми в коленях, она, не выпрямляя их, удивительно грациозно легла на спину, увлекая за собой Николая.

Нет, девственницей она не была. У Бунина отлегло от сердца, но и особым умением не отличалась. Николай был куда опытнее ее в постели.

Карл учил его многому, в том числе и тому, как вести себя с женщинами:

«Никогда не подстраивайся под них в сексе, – говорил законный, – пусть они подстраиваются под тебя. Делай то, что хочется тебе, и столько, сколько ты хочешь. Ее удовольствие – ее проблема. Она должна уметь взять его сама».

На этот раз Бунин вел себя по-другому, возможно, потому, что знал наверняка, они завтра разбегутся, и ему хотелось оставить о себе идеальное воспоминание. Вначале он старался быть предельно нежным, но потом Лера сама захотела другого. Он и предположить не мог, какой дикий зверь таится в невысокой блондинке.

Наконец, оба уставшие, потные, они лежали бок о бок на скомканном пледе. Николай еще по инерции ласкал Леру, но оба они чувствовали, что больше не стоит пробовать, лучше,

чем было, не получится. Они уже узнали друг друга. Постепенно накатывал голод, такой же сильный, каким было и первое желание.

– Ты хочешь есть? – Лера приподнялась на локте.

– Не отказался бы.

– Лежи, я принесу.

Скромные запасы еды Лера принесла на большой тарелке, порезав мясо тонко-тонко, чтобы казалось больше, три куска черного хлеба и много зелени.

– Ешь. Еды мало, но я не знала, что ты придешь в гости.

– Ты сама привела меня.

– Бессовестный...

– Признайся, указатель у речки стоял, и тебе каждый встречный указал бы дорогу к «Полюсу», а ты специально затащила меня к себе.

– Хочешь так думать – думай, но мне кажется, это ты меня обманул.

– Меня обманул Жан, спасибо ему за это. Иногда чужое пьянство преподносит приятные сюрпризы.

– Я не хотела бы, чтобы сегодняшний день сложился по-другому. Если чего-то не ждешь, оно получается самым лучшим образом. Может, ты хочешь выпить, в доме где-то есть коньяк, отец обычно пропускает рюмочку за ужином. Я посмотрю, если отлить немного, он не заметит.

– Ты часто так делаешь?

– Что именно?

– Похищаешь отцовский коньяк. Не надо искать, мне сейчас и так хорошо. Незачем поднимать тонус спиртным.

Девушка задумалась, вспомнила, что ни она, ни Николай до сих пор не произнесли слова «любовь», и удивилась, прежде с ней так не случалось. Даже когда ясно, что о любви речь не идет, люди обманывают друг друга...

«Какая может быть любовь, если мы знакомы всего несколько часов? Почему я так легко поддалась ему? Потому, что он слепой? Или причина во мне?»

Она глянула на окно, казалось, что стекло облили с улицы расплавленным битумом, таким оно было черным и блестящим. Дрова в камине уже прогорели, рассыпались ярко-оранжевыми угольками, над ними то и дело взвивались короткие язычки пламени и тут же гасли. Тарелка с едой опустела, а голод не проходил. Готовить отчаянно не хотелось, хотелось лечь, замереть и прислушиваться к тому, как усталость растекается по всему телу.

Лера так и сделала, она положила голову на колени Бунина и прикрыла глаза, а он перебирал пальцами ее светлые шелковистые волосы. Николай делал это спокойно, без прежнего трепета, страсть ушла, приходило безразличие. Рядом с ним была красивая милая девушка, но не больше. Мало ли их, милых и красивых? Полная Москва! Выходи в город и присматривайся, выбирай, какая понравится больше других.

«Одна встреча, вторая, но не больше. Нельзя привыкать, нельзя, чтобы к тебе залезли в душу. Так учил Карл. А он знает толк в жизни. Но почему так отчаянно не хочется уходить? Ведь могу подняться и, ничего не объясняя, уйти. И дело не в ней, причина во мне. Я все же сделан из другого теста, чем Карл».

Бунин прислушался к ровному дыханию девушки, она уже дремала, прикрыв глаза рукой. Оранжевые отблески углей переливались на ее обнаженном теле.

«Скоро огонь совсем погаснет, и станет прохладно, – Николай заботливо прикрыл девушку краем пледа, Лера вздрогнула во сне, но глаз не открыла, забормотала что-то неразборчивое, подложила ладонь под голову, поджала ноги, – я должен сам выбрать, какая жизнь мне милей. Стать одиноким волком, как Карл, или вернуться в нормальную жизнь. Я пока еще хожу по лезвию. Он оставляет мне право выбора...»

Тишину нарушил мелодичный звонок мобильного. Лера встрепенулась, подняла голову:

– Что это? – моргая спросонья, она смотрела на Николая.
Мелодия звонка крепла, разрасталась.
– Телефон.
– Наконец твой Жан опомнился?
– Сейчас, – Бунин потянулся к своим джинсам, бесформенной горкой лежавшим у ножек потертого кресла, смотреть, кто ему звонит, не стал, сразу вдавил кнопку.
– Але, – произнес он с легким раздражением, и тут же услышал насмешливый голос Карла.
– Развлекаешься? Ты не один. Рядом с тобой красотка. Или все еще под тобой?
Карл всегда безошибочно чувствовал, чем занят Николай, словно мог видеть его, когда захочет.
– Ты почти угадал, Карл. Рад тебя слышать.
– Красотка никуда не денется. Ты мне нужен завтра.
Законный редко задавал обычный для звонков по мобильнику вопрос: «Где ты?» Его не интересовало, какими путями человек доберется до места встречи.
– Договорились. К завтрашнему вечеру я вернусь.
– Ты можешь понадобиться мне с утра. Если женщина не согласна ждать тебя, бросай ее к черту, – Бунину показалось, что на другом конце линии Карл улыбается.
Отказать законному он не мог.
– В десять я буду готов.
– Заеду.
Связь оборвалась.
– Жан, Карл... – проговорила девушка, села и обхватила колени руками. – Твои знакомые – иностранцы?
– Почти, они из другого мира.
Лера почувствовала, что после звонка Николай стал другим – чужим, она сама отстранила его руку, когда парень прикоснулся к ее плечу.
– Чтобы добраться до Москвы в десять утра, – сказала она, – тебе придется подняться почти на рассвете – в шесть.
– Ты мне еще не предлагала остаться на ночь.
– Не пойдем же мы в темноте на станцию. Я не хочу возвращаться сюда одна ночью.
– Я могу прийти и один.
– Как?
– Мне достаточно один раз пройти по дороге, и я запоминаю ее в мелочах. Ночь на улице, день – мне все равно.
– Мы пойдем утром, я не могу отпустить тебя одного.
– Ты же собиралась утром полить огород, – напомнил Николай.
– Не хочу. Черт с ним. Растения выживут. Ты не жалеешь, что не попал сегодня в гости к друзьям?
– А ты как думаешь?
– Я не хочу думать, я хочу спать. Устраивайся поудобнее, я сейчас принесу одеяло.
Лера постелила прямо на полу, подбросила в камин немного дров. Сквозь тонкий матрас чувствовались жесткие доски пола, несмотря на это, Бунин заснул быстро. Примирило с неудобствами женское тепло, исходившее от обнаженной девушки.
Он проснулся, когда еще только светало, потянулся за мобильником, часы на дисплее показывали без малого пять утра. Лера сонно дышала ему в плечо, и от ее дыхания на душе становилось спокойно. Бунин пролежал целый час, бесцельно глядя в потолок, изучая сучки, трещинки на пропитанной темной олифой доске-вагонке. Лера отлично чувствовала время,

она оторвала голову от подушки ровно в шесть утра. Взгляд ее с самого момента пробуждения был осмысленным.

Бунин не стал тратить время на ласки, нежности, коротко поцеловал девушку в плечо и тут же принялся одеваться. Одежда, несмотря на то что вчера они забыли ее развесить после безумной поливки огорода, просохла. Собрались они быстро. Утро выдалось прохладным, дачники еще спали, в долине над речушкой клубился туман. Скрипнула стальная калитка в воротах дачного поселка. Тихо, как воры, парень с девушкой выбрались на утопанную до блеска лесную тропинку. Бунин высвободил локоть из-под руки Леры.

– Ты не верила, что я смогу сам пройти по тропинке.

Дюралевая палочка в его руках ожила, глухо защелкала по гладкой земле и зашелестела по росистой траве.

– Видишь, как просто, по звуку я могу ориентироваться, куда ступать. – Бунин зашагал, Лера пошла рядом с ним, ее кроссовки и низ джинсов быстро намокли от росы.

Плотная материя из-за влаги стала жесткой, топорщилась, словно погнутая жесь.

– Ловко у тебя получается, вчера ты выглядел растерянным.

– Сейчас, шагов через двадцать, будет поворот направо.

– Я не верю своим глазам, – восхитилась Лера, когда Николай, продолжая постукивать палочкой по тропинке, взял нужное направление.

«Вот и все, – спокойно подумал Бунин, – прошла ночь развлечений и забав. Было неплохо и мне, и ей. Большого и не надо. В электричке обменяемся телефонами. Она даст мне свой настоящий, а я скажу первый пришедший в голову. Может, она и не станет по нему звонить. Подождет недельку моего звонка, а потом порвет листок, на котором записан мой придуманный номер. Свобода превыше всего».

Лес кончился, парень с девушкой шли по берегу реки. Вдоль воды разрослись густые кусты, с другой стороны тропинки тянулись огороды.

– Ты чем занимаешься? – поинтересовалась Лера, обходя лужу, в которой отражалось яркое синее утреннее небо.

– В каком смысле?

– Учишься, работаешь, ничего не делаешь?

– Я музыкант, – ответил Николай и тут же пожалел о сказанном.

«Вот и начинается... Лезет в душу. Еще немного – и я у нее спрошу, кто она такая».

– А я пока еще учусь. Хочу стать журналисткой. Ты не против, если я напишу о тебе небольшую статью? Нам на факультете обязательно нужно предоставить три публикации в год. Слепой музыкант – подходящая тема. Ты только не подумай, что я согласилась быть с тобой потому, что сразу об этом подумала. Ты другой, чем все остальные...

«Не хватало мне еще этого. Прав Карл, женщин нужно использовать по прямому назначению и никак иначе».

– Посмотрим, – уклончиво отвечал Николай.

Краем глаза он видел, как через ограду недостроенного дачного поселка перелезают двое бритоголовых парней в черных облегающих штанах и черных майках. На плече у одного из них виднелась старательно выколотая фашистская свастика.

«Скины. Выехали вчера на природу. Надрались. Переночевали или под кустом, или в недостроенной даче. Теперь с похмелья злые на весь свет, – определил Бунин, – если бы ночевали на родительской даче или у друзей, никогда бы не поднялись так рано».

Парни не утруждали себя поиском дороги, они пошли прямо по засеянным огородам, ломая высокими солдатскими ботинками еще не окрепшую зелень. Николай ускорил шаг.

– Ты куда летишь? К электричке мы успеем. Хочешь показать мне, как ты классно умеешь управляться без провожатого, так я это уже видела, ты мне интересен другим. На практических занятиях по стилистике нас учат, что...

Лера не успела договорить, за ее спиной послышался грубый смех, а затем и окрик:

– Эй, голубки! Стоять.

Лера обернулась и тут же машинально схватила Бунина за руку. Лица скинов не предвещали мирного исхода встречи. Похабные улыбки, злые неприкаянные глаза, сжатые кулаки.

– Кто там? – спросил Бунин.

– Уроды какие-то, – прошептала Лера, – к нам идут. Пошли быстрее.

– Я тебя в обиду не дам, – тихо произнес Николай, продолжая ощупывать дорогу тонкой металлической тросточкой.

– И, как назло, ни одной души вокруг, – в панике промолвила Лера.

– Стоять, я сказал, – голос послышался совсем близко.

Девушка боялась оглянуться, Бунин не спешил открыть свой секрет.

Скин в майке-безрукавке выбежал перед ними на тропинку и загородил дорогу:

– Ты слепой? – его взгляд остановился на дюралевой тросточке.

– Слепой, – спокойно ответил Бунин.

– Значит, не глухой. Какого хрена не остановился? Я за тобой бегать должен?

Николай стоял, выпрямив спину. Лера держала его под локоть. Он слышал за своей спиной тяжелое дыхание второго скина и даже видел его нечеткое отражение в стекле темных очков.

– Мне твоя мобила понравилась. Подаришь? – притворно ласковым тоном проговорил скин, глядя на прикрепленный к поясу Николая телефон.

– Лучше отдай, – зашептала Лера.

Бунин молчал.

– Молчание – знак согласия.

Мобильник оказался в руках у подонка.

– Дорогой. Это, чтобы, заблудившись, позвонить: «Мамочка, выручай!»

– Он решил, что крутой, – вбросил в разговор реплику скин, стоявший за спинами молодых людей. – Ты ж слепой, на хрена тебе красивая гладкая телка? Мы тебе уродину найдем, тебе все равно, с какой рожей трахаться. А твою бабу мы себе забираем. Потом, если найдешь ее в кустах, можешь пользоваться.

Николай напрягся, его пальцы сжались в кулак.

– И не думай, – зашептала Лера, – они тебя убьют. Ты ничего сделать не сможешь.

– Она тебе дело говорит, – скин, стоявший сзади, схватил Леру пятерней между ног, сжал пальцы.

Лера выпустила локоть Бунина, на ее лице появилось выражение полного отчаяния.

– Пусти, я закричу.

– Я сам кричать буду.

Скин обхватил девушку свободной рукой и прижал к себе, высунул из-за ее плеча рожу с выпученными глазами и, широко открыв рот, закричал:

– Насилуют! – и рванул на ее груди блузку.

В глазах у Леры блеснули слезы. Она пыталась вырваться, но насильник только сильнее сжимал ее. Пальцы уже отыскивали застёжку джинсов.

Бунин, не делая ни шага, резко вскинул руку с дюралевой тросточкой и с размаху всадил ее острый конец в раскрытый рот скина. Хрустнула, проломилась гортань. Николай выдернул трость. Лера испуганно рванулась вперед. Скин стоял пошатываясь, он еще ничего не успел понять, а из его рта уже била тугая струя крови.

Девушка заверещала, ее визг ударился о стену леса и вернулся эхом. Складной нож блеснул в руке второго скина.

– Сука, – закричал он, бросаясь на Бунина.

Николай поступил так, как учил его Карл, – отступил в сторону. Острие ножа вспорол воздух. Бунин на излете перехватил руку противника, развернул нож острием к нападавшему, повалил его на землю и ударил коленом в спину. Это длилось какие-то секунды. Когда Николай поднялся и отряхнул ладони, skin стоял на коленях, упираясь в землю лбом, и прижимал к распоротому животу ладони. Окровавленный нож валялся на траве. Бунин внешне спокойно поправил сбившиеся темные очки. На самом деле ему хотелось кричать от ужаса. Оттого, что одного парня он, скорее всего, убил, а второго покалечил на всю жизнь. Николай поднял свой втоптаный в грязь мобильник, обтер его ладонью и сунул за пояс.

– Пошли, – негромко произнес он и взял Леру за руку, та шла за ним, как сомнамбула, молча и покорно.

Девушка опомнилась только на железнодорожной платформе. До электрички оставалось пять минут, Бунин вручил ей билет.

– Надо прятаться, они догонят нас, убьют, – шептала она бескровными губами.

– Когда ты боишься, становишься некрасивой, – сказал Бунин, – никто из них, даже если поднимется, догонять нас не станет и не сможет.

– Ты убил его?

– Не знаю. Надеюсь, что нет.

Зазвенел зуммер, предупреждая, что приближается пригородный поезд. Николай буквально силой втащил Леру в тамбур, створки двери с глухим стуком съехались. Девушка напряженно смотрела в зарешеченное окно. Проплыла пустая платформа, замелькали позолоченные утренним солнцем сосны.

– Пошли в середину вагона, ты устала, лучше будет посидеть.

Лера послушно опустила на жесткое сиденье электрички. Руки ее продолжали дрожать, плаксиво подрагивала и нижняя губа, но глаза уже стали сухими.

– Ты не слепой? Ты притворялся? – наконец произнесла она.

– Это важно для тебя? Я больше не хочу говорить об этом, – он сидел прямо, не прислоняясь к спинке.

– Ты... – сказала она и замолчала, почувствовав, как Бунин сжал ее руку, решительно и больно.

– Молчи и слушай. Мы никогда с тобой не встречались. Ты меня не знаешь, я не знаю тебя. Ты выйдешь из поезда на первой городской станции, где поблизости есть метро. На дачу в этой же одежде больше не езди, стягивай волосы в хвост, по-другому накрашивай глаза. Старайся не ходить той самой дорогой. Если кто-нибудь из них выживет, постараются подкараулить. Тебя не узнают, не успели толком рассмотреть. И никому ни слова – ни-ко-му.

– Ты не оставишь мне даже свой телефон?

И тут Бунин понял, что его начинает раздражать в Лере. В ней вновь проснулась будущая журналистка!

«Она еще только учится, но уже захотела сделать из ночного приключения публикацию. Теперь ей не терпится описать драку со скинами».

– Я выйду первым, ты выходи на следующей станции.

– Тогда возьми хотя бы мой телефон, – девушка нацарапала коротким, плохо заточенным карандашом на листке из блокнота номер и сунула Николаю в карман.

Бунин прошелся по вагону, постукивая палочкой по стойкам сидений. Уже стоя на платформе, он увидел проплывающее мимо него вагонное окно с приплюснутым к стеклу носом и руку, взброшенную в прощальном жесте. Николай не ответил, не кивнул.

«Забыть, все забыть».

Хороший совет, данный самому себе, но попробуй ему последовать! Уже в вагоне метро Бунину стало плохо, кружилась голова. Перед глазами то и дело возникали сцены недавней

драки. Он вновь и вновь мысленно вонзал острие трости в гортань скину. А в ушах стоял отвратительны хруст проламываемой, раздираемой плоти.

Глава 3

Даже не заботясь о том, чтобы выглядеть как настоящий слепой, Бунин брел по улице к своему дому. Опомнился только во дворе, вновь застучал тросточкой по бордюру, но без особого энтузиазма. Подъезд встретил его пыльной духотой. Ошалевшие от яркого солнца мухи бились в стекло наглухо закрытого окна.

Очутившись в прихожей, Николай первым делом избавился от трости – сунул ее в стеной шкаф. Разделся прямо в коридоре, забросил одежду в корзину и забрался под душ. Он тер себя мочалкой, густо намыливал, подставлял тело и лицо упругим прохладным струям, жадно пил, ловил ускользающую воду губами. И ему все казалось, что он не может отмыться от липкого пота, окатившего его не в тот момент, когда понял, что без крови не обойтись и только смертельный удар остановит скинов, а уже после... В пот его бросило после удара тростью и после падения противника на подставленный нож уже на платформе... Ему стало страшно не из-за того, что он научился убивать холоднокровно и расчетливо, а из-за того, что не научился не думать потом о чужой смерти. Перед ним были уроды и отморозки, как сказал бы Карл, не заслуживающие жизни, без них мир стал чище.

Бунин отчетливо представлял себе, что выбора у него не оставалось. Но он не мог гордиться тем, что совершил. Его невинная игра, желание немного развлечься, найти себе любовницу на одну ночь обернулась кровавой дракой. Ему хотелось, чтобы Лера запомнила на всю жизнь ночь ласк, но теперь она до конца своих дней будет помнить, как хрипит захлебывающийся кровью человек, как булькает кровь в пропоротой гортани.

«Конечно, это неплохое подспорье для начинающей журналистки», – криво усмехнулся, вылезая из-под душа, Бунин.

Ощущение, что он не сумел отмыться, не проходило.

«Ну и черт с ним».

Николай присел к роялю, стоявшему в большой комнате. Когда он касался инструмента, ему казалось, что он беседует с покойным отцом. Беседует ни о чем, так часто происходит между родителями и детьми.

Николаю редко приходилось видеть отца, поэтому и запомнил его нарядным, монументальным, приносившим ему дорогие подарки, а матери – охапки цветов, безумно красивые, благоухающие, торжественные.

«Так отец пытался наверстать упущенные годы, проведенные за решеткой, где даже скромный полевой цветок, пробившийся из трещины в асфальте, заставляет сжиматься сердце сурового эка».

О тюрьме и зоне Бунин знал только понаслышке. Бог миловал попасть за колючую проволоку. Несколько дней, проведенных в СИЗО, где следы тщетно пытались его расколоть, были не в счет. Он знал тогда, что ничего у них не выйдет и скоро он выйдет на свободу. Да и адвоката Карл ему подсеял классного. Терпеть боль, скрывать страх, когда знаешь, что через несколько дней все закончится, можно. Но когда приговор уже вынесен, пройдены этапы и впереди тысячи похожих один на другой дней и ночей, когда последняя сволочь в погонах чувствует себя существом высшего порядка... Николай не знал, под силу ли ему окажутся подобные испытания. Он ненавидел тот мир, в котором жил его отец, мир, к которому принадлежал теперь Карл. Воровской мир, мир понятий... Ненавидел его, но и любил одновременно. Потому что понимал его душой, был его частью.

Законный не заставил себя долго ждать. Бунин успел протренировать одним пальцем всего несколько мелодий, как в дверь позвонили.

Карл, не дожидаясь приглашения, прошел в гостиную, сел в кресло и вытянул длинные ноги к центру комнаты. Он несколько секунд любовался безупречно начищенными туфлями, затем, не отрывая от них взгляда, произнес:

– У тебя такой вид, будто сдох любимый кот или собака. Но поскольку животных ты не держишь, остается предположить...

– Я сегодня убил человека, возможно, даже двоих...

– Человека? – переспросил Карл.

В этом вопросе не было сомнения насчет факта самого убийства. Карл сомневался насчет «человека».

– Да, и я знал, что убиваю, – ответил Бунин, от волнения он не уловил этот нюанс.

– Ты не способен на такое, – лениво заметил законный, – ты способен убить живое, мыслящее существо, я в этом смог несколько раз убедиться, но не человека. У тебя из-за этого неприятности? Нужна помощь?

– Все в порядке. Никто меня не ищет. Но я «развинчен».

– Ломка. Угрызения совести, – растягивал слова Карл, – ты или защищал девушку, или защищался сам. Я не знаю, что произошло. Но могу предположить, что тот, кого ты убил, в лучшем случае, прикончив тебя, банально напился бы и уж точно ни с кем бы не обсуждал убийство.

– Карл, я говорю тебе об этом, потому что ты мне больше, чем друг.

– Но меньше, чем отец, – усмехнулся Карл, – я и не претендую. Я обещал себе, что заменю тебе отца после его гибели.

– Я не просил об этом.

– Заметь, обещал себе, а не тебе. Сказал – сделал, – законный перехватил злой взгляд Бунина, – ты не умел красть. Этому я научил тебя. И только поэтому ты не бедствуешь. Ты не умел убивать. Я научил тебя. И только потому ты еще жив. Ты влюблялся и в правильных девочек, и в проституток. Я научил тебя обходиться с женщинами. И ты до сих пор свободен. Поэтому не злись на меня. Все, что ты умеешь... – Карл махнул рукой. – Если ты решил сначала потерять свободу, затем деньги, а после этого сыграть в ящик, то я пошел, – сказав это, законный даже не сделал попытки подняться.

– Извини, – мрачно произнес Бунин, – я не в духе. И ничего не могу с собой поделать. Ты сказал, что я нужен тебе сегодня, и я приехал. По дороге убил. Хватит об этом, я здесь. Идем.

– Идем, – согласился Карл, – и прихвати клавиши.

– Они остались в переходе, в цветочном киоске, – говорил Бунин, натягивая джинсы.

– Хорошо, клавиши отменяются. Я собрался познакомить тебя с одним человеком.

Бунин насторожился. Обычно Карл никогда не сообщал заранее, что задумал. Старая зоновская мудрость – то, что знают двое, знает и свинья. Он привык использовать людей в своих целях, не посвящая в детали.

– Надень простые темные очки, а не «театральные» – с наклеенными звездами. Не на паперти стоять.

Вдвоем они спустились во двор, и хотя машина Карла стояла у выезда из арки, он ею не воспользовался. Шли молча, пока не оказались на Тверской, неподалеку от гостиницы «Минск». Карл, ничего не объясняя, зашел в один магазин, в другой. Ничего не покупал. Перебирал одежду на вешалках, рассматривал застекленные прилавки. Болтал с продавщицами, при этом через витрину поглядывал на вход в гостиницу.

Николай вначале нервничал, злился, а затем и его захватило это странное занятие: разглядывать, прицениваться к вещам, ничего не покупая и, главное, не собираясь покупать.

– Пошли теперь в гастроном, нужно купить угощение. Неудобно приходиться к корешу с пустыми руками, – законный сделал это предложение абсолютно неожиданно, как показалось Николаю.

В винном отделе Карл долго не задержался, купил бутылку коньяка и бутылку водки, рассеянно отказался от сдачи – просто отодвинул бумажки и мелочь.

С пакетом, в котором глухо позванивали бутылки и топорщился сверток с закуской, законный с Буниным вышли из магазина. Не успели они прошагать и половину дома, как Карл повернул голову, сбавил шаг, он смотрел на другую сторону улицы – на вход в гостиницу.

– Погоди, – Карл остановился.

Мчались потоком машины, сновали пешеходы. Бунин никак не мог понять, что так заинтересовало Карла.

«Может, знакомого увидел?»

Из стоявших у стеклянной двери людей мало кто мог подойти на роль хорошего знакомого Карла. Швейцар, две безвкусно намазанные сучки в коротких до неприличия юбках и какой-то араб в возрасте.

То, что мужчина араб, во всяком случае выходец с Востока, сомнений не было. Только они считают приличным носить белоснежные носки с черными лакированными туфлями, да еще штаны подбирают коротковатые. Мужчина стоял спокойно, заложив руки за спину, ненавязчиво фильтровал взглядом проплывавшую мимо него толпу. Карл опустил пакет с покупками в урну для мусора, сделал это бесстрастно и буднично, словно каждый день таким образом расставался со спиртным и деликатесами.

– Зачем? – вырвалось у Николая.

– Поездка к корешу отменяется. Мне нужно освободить руки.

– Я бы мог подержать.

– Поздно.

Карл уже вертел в пальцах монетку, разминая кисть. Монета, как живая, кувыркалась между впадинами, перескакивала через суставы, внезапно становилась на ребро и замирала. Рука же при этом казалась абсолютно неподвижной. Подобный фокус мог проделывать и Бунин, но при этом ему надо было смотреть на диск монеты, Карл же не отрывал взгляда от араба у гостиничной двери.

– Кто он? – прошептал Николай.

– Еще не уверен, – глаза законного превратились в две узкие щелочки, черты лица заострились, кожа мгновенно приобрела землистый оттенок.

Бунин содрогнулся, прежде он видел Карла таким лишь несколько раз. Исчезли столичный лоск, вальяжность, интеллигентность. Рядом с ним стоял безжалостный блатной, один взгляд которого способен мигом утихомирить вышедших из повиновения эзков. От такого взгляда подгибаются ноги и заточки сами выпадают из внезапно ослабевших пальцев.

Араб кого-то ждал, но делал это спокойно, на часы не поглядывал, не нервничал, головой не вертел. Двигались только глаза – темно-карие, с маслянистой поволокой, умные и внимательные. Волнение выдавал лишь рот – мужчина покусывал напряженные губы. Наконец он кого-то увидел. Потом заметили и его. Прохожий в сером костюме чуть заметно кивнул и пошел дальше, не оборачиваясь.

– Если араб хромает на левую ногу, значит, это он, – чуть слышно промолвил Карл.

Араб, выждав секунд десять, двинулся вслед за прохожим. Тут уж и Бунин затаил дыхание – нога в белоснежном носке чуть заметно волочилась, и именно левая, как предсказывал Карл.

– Он. Век воли не видать, – прошептал законный.

– Что будем делать? – Николай чувствовал, затевается нечто серьезное.

– Он меня знает, а тебя – нет, проследи за ними, – Карл подтолкнул Бунина, – быстрее в переход.

Николай, позабыв о трости, сбегал в переход. Расталкивая прохожих, взбежал по ступенькам до середины лестницы, а дальше пошел степенно. Успел он вовремя. Араб как раз

миновал перекресток. Его чуть сутулая спина маячила впереди. Прохожий, с которым он обменялся кивками, двигался шагах в десяти впереди него. Бунин, чуть повернув голову, из-под очков глянул на противоположную сторону улицы. Карл исчез, растворился. Но парень знал, когда понадобится, законный материализуется буквально из воздуха.

Далеко идти не понадобилось. Пожилой прохожий с невыразительным лицом, похожий на партийного функционера времен Советского Союза, свернул к передвижному торговому киоску, стоявшему в простенке старого дома. Небольшой тент прикрывал неогороженную площадку с несколькими высокими столами. Ели и пили за ними стоя.

Прохожий извлек довольно увесистый кошелек. Такие Бунин называл «под евро», в него могла втиснуться распрямленная сотня. От окошка незнакомец отошел с бутылкой пива и тарелкой золотистого жареного картофеля. У парня даже в горле запершило. Захотелось самому похрустеть и запить прохладным пенистым пивом.

Мужчина с невыразительным лицом поставил у своих ног под высоким столиком невзрачный пластиковый кейс. С такими раритетами в сегодняшние дни позволяют себе ходить по городу только провинциальные чиновники да клерки мелкого пошиба. У окошка павильона появился и араб. Он довольствовался чашкой кофе и бутербродом.

Дородная розовощекая продавщица, улыбаясь, налила напиток в пластиковую кружечку и подала бутерброд, предусмотрительно завернув его в розовую бумажную салфетку. Араб не сказал ни слова, кивнул в знак благодарности, так что не понять было, знает ли он по-русски. Держа в одной руке ненадежно хрустящую чашечку, прикрытую бутербродом, а в другой пухлый бумажник, остановился у столика, за которым попивал пиво мужчина с невыразительным лицом партфункционера.

– Разрешите? – сказал араб, и глаза его хитро блеснули.

– Конечно, – мужчина отодвинул одноразовую тарелку, освобождая место.

Бунин следил за ними, стоя неподалеку, облокотившись о парапет уличного ограждения, прислонив тросточку к подножию гигантского рекламного щита, на котором жизнерадостный малыш-блондин впивался белоснежными зубами во что-то непонятное. Во что именно, Николай понял, когда удосужился прочесть надпись, сделанную метровыми буквами: «Маца из Израйля!», после чего потерял к щиту всякий интерес.

Мужчины за высоким столиком не разговаривали, между ними лежали два абсолютно одинаковых бумажника. Бунин уже не сводил с них глаз, боясь пропустить самое важное. Араб преспокойно забросил чужой бумажник в карман, даже не поинтересовавшись, что там лежит внутри, при этом мужчина, стоявший напротив него, не выказал ни удивления, ни возмущения. Вместо этого он раскрыл бумажник, принадлежавший арабу, заглянул в него и, резко закрыв, тоже спрятал в карман, а потом кивнул. Араб подхватил чужой кейс и неторопливо зашагал к гостинице.

Бунин чуть повернул голову и заметил на противоположной стороне улицы Карла. Законный рассматривал витрину. Оттуда он, конечно, не мог заметить деталей происшедшего. Николай торопливо, насколько это позволяла ему роль слепого, спустился в переход. Карл встретил его наверху напряженным взглядом и выдохнул:

– Ну?..

– Черт его знает, что такое, – тихо проговорил Бунин, – араб портфель у мужика взял, а еще они лопатниками поменялись.

– О чем говорили?

– Молчали. Араб в гостиницу, кажется, вернулся, а второй мужик пока еще там.

Карл криво усмехнулся – Бунин не успел заметить, как мужчина покинул павильон.

– У него ж почти целая бутылка пива оставалась, не мог он ее так быстро допить.

Карл похлопал Николая по плечу.

– Вон он, видишь?

Бунин не сразу рассмотрел в толпе немного сутулую спину мужчины, тот шел поближе к домам, особо не спеша.

– Следопыт ты хренов. Но за лопатник тебе отдельное спасибо. Проследи, вернется ли араб в гостиницу, а я побежал.

Бунин видел Карла бегущим всего несколько раз в жизни, но даже это законному удавалось проделывать, не теряя собственного достоинства. Он перемещался легко и красиво, как дикий хищный зверь. Прыгая через ступеньки, Карл исчез в черной яме перехода.

На ходу Карл вытащил деньги, практически не останавливаясь, бросил купюру девушке, торговавшей цветами, и схватил огромный букет перестоявших пунцовых роз, усыпанных золотыми блестками.

– Подождите, я вам их заверну в бумагу. Сдачу заберите! – прокричала девушка в спину законному.

Но Карл не обернувшись, махнул рукой.

Он выскочил из перехода и помчался по улице, расталкивая прохожих. Через полквартала сбавил шаг. Наконец-то отыскал взглядом мужчину, обменявшегося с арабом лопатниками. Тот уже собирался перейти улицу, горел желтый сигнал светофора.

«Успею», – решил Карл.

Улицу и прилегающие к ней кварталы он знал как свои пять пальцев. Правда, в последнее время такие знания могли и подвести. Дома меняли владельцев, во многих арках поставили ворота с кодовыми замками, посадили охранников, но здесь проход, кажется, еще существовал. Во всяком случае, две недели назад Карл пользовался им.

Он свернул в боковую улицу, бегом промчался сквозь арку, пересек двор и выскочил на Тверскую из подворотни. Тот, за кем он охотился, успел пройти совсем немного. Законный не стал останавливаться. Держа перед собой букет, он побежал по улице. Обычно Карлу, чувствуя его напор, все уступали дорогу, но теперь он специально петлял между прохожими. Обежав молодую парочку с коляской, Карл наткнулся на мужчину с невыразительным лицом, чуть не сбив его с ног, и даже немного оцарапал шипами роз.

– Извините, простите, – заговаривал ему зубы, рассыпался в любезностях Карл, придерживая пострадавшего.

Между ними колыхался огромный, густой, как приречные заросли, букет роз. Перестоявшие цветы уже начали источать мутный запах. Карл говорил, улыбаясь дурацкой, вежливой улыбкой.

– Ничего страшного. Но надо быть поосторожней, как на пожар летите, – пробормотал уже немного умиротворенный мужчина.

– Не на пожар, а к даме. И не лечу, а бегу. На пожар я так не спешил бы.

– Внимательным быть надо.

– Я тоже так думаю, – Карл на мгновение засунул руку в карман своего пиджака и заспешил дальше.

Мужчина пожал покатыми плечами, потер оцарапанную щеку, на пальцах остался слабый след смазанной крови. Вор сбежал в ближайший подземный переход. Сунул букет в руки оторопевшей от неожиданности молодой женщине.

– Держите, у нас с вами сегодня счастливый день, – и, не задерживаясь и не выслушав ответа, выбрался из перехода с другой стороны.

Мужчина с невыразительным лицом прошел полквартала, наморщил лоб, остановился и озабоченно похлопал себя ладонью по борту пиджака. Рука его после третьего хлопка замерла. Тяжелого бумажника в кармане пиджака не оказалось – он исчез. Но мужчине отчаянно не хотелось верить в этот факт, он лихорадочно расстегивал пуговицы, ощупывал себя, шарил по карманам. И тут до него наконец дошло, в какой момент он расстался с кошельком, полученным от араба, – тип, налетевший на него, вытащил портмоне. Он обернулся, завертел голо-

вой, выискивая в толпе людей приметный букет пунцовых роз. Яркий, запоминающийся. Шли люди, у пары девушек в руках покачивались цветы, но ни одного букета.

«Где он? Куда подевался?» – мысленно взывал обокраденный. Самое ужасное было то, что он понял, что не сможет вспомнить лица вора, как ни напрягай память.

Он прикрыл глаза, но перед внутренним взором вместо лица мужчины, столкнувшегося с ним, только нагло переливались безвкусные блески, усыпавшие лепестки перестоявших роз цвета загустевшей крови. Больше его память ничего не сохранила. А в качестве сувенира осталась оцарапанная до крови щека.

Мужчина еще раз приложил руку к груди, но уже по другой причине – предательски кольнуло сердце. Он стоял неподвижно, как остров в плывущей реке прохожих посреди тротуара, в центре чужого для него огромного города, и ощущал, как земля уходит из-под ног. Это не было метафорой, асфальт качался, гул мчащихся машин навалился на беднягу, стал похож на гул волн, обрушивающихся на галечный пляж во время шторма. А сердце то сжималось в твердый комок, то вдруг неровно дергалось и трепыхалось. Мужчина в светлом костюме даже не почувствовал, как ноги его подогнулись, опомнился, уже сидя на тротуаре. Одной рукой он опирался на землю, второй продолжал ощупывать грудь.

– Пьяный, – услышал он долетевший до него издали голос.

«Я не пьяный, я даже пиво не допил, мне плохо», – хотелось крикнуть ему, обернуться, посмотреть в глаза, сказавшему подобную чушь.

Блуждающий взгляд скользил по толпе, лица расплывались, сливаясь в розовую массу. Мужчина попытался подняться, но вместо этого завалился на бок и замер в позе эмбриона. Возле него присела на корточки молодая женщина.

– Что с вами? – она пыталась нащупать пульс, под ее тонкими пальцами отозвалась неровным биением ускользающая жилка.

– Украли... – только и проговорил бедолага, закрывая глаза.

– Что? «Скорую», вызовите «Скорую»! Ему плохо! – женщине пришлось крикнуть, чтобы привлечь внимание.

Толпу трудно чем-то завлечь и остановить ее плавное течение, в конце концов ни в чьи планы не входит заниматься чужим горем. Однако добрая душа нашлась быстро. Видный, дорого одетый мужчина с блестящей лысиной со своего мобильного вызвал «Скорую». Присел на корточки напротив женщины, при этом то и дело поглядывал на ее стройные, слегка разведенные ноги, на белевшую под юбкой кружевную полоску трусиков. Если бы юбка была подлиннее, возможно, он и прошел бы мимо.

– Чего они тянут? – женщина перехватила взгляд и плотно сжала колени, присела глубже.

– Сами видите, движение какое. Попробуй подъехать.

Взвывая сиреной, пугая прохожих сполохами мигалки, по тротуару подкатила «Скорая помощь», а следом за ней и милицейская машина. Врач бегло осмотрел лежащего.

– В машину, – коротко подытожил он.

Пока доставали носилки, милиционер проверил карманы у лежащего на спине мужчины. Ничего не обнаружил, ни документов, ни кошелька.

Свернув в боковую улицу, «Скорая помощь» унеслась, оставив милиционера и двух сердобольных прохожих.

– Надеюсь, все будет хорошо, – проговорил милиционер, но на всякий случай дайте свои координаты.

– Зачем? – удивилась женщина.

– Если человек умирает на улице, то это дело милиции, если его успеют довести до больницы живым, то нас больше не беспокоят, – служитель порядка говорил бесстрастно, чуть ли не позевывая, – вдруг его кто-то толкнул или уколол.

– Я поняла.

Мужчина подал милиционеру визитку, тот принял ее, не глядя, забросил в карман.

– И ваши координаты.

– Я прописана в одном месте, живу в другом...

Милиционер тяжело вздохнул.

– Вы телефон дайте, чтобы вас можно было найти, – он уже почувствовал, что женщина «правильная», патологически не может отказать в помощи и, если надо будет, приедет в милицию дать показания без повестки по одному телефонному звонку. Иная у больного на улице и не остановилась бы.

Телефон записали и милиционер, и лысый мужчина.

– Что ж, вот и все, – лейтенант лениво козырнул и забрался в машину, отчитался в рацию.

– Я бы советовал вам сейчас снять стресс, – ласково посоветовал лысый, – пятьдесят граммов коньяка и крепкий кофе не помешают, – он взял даму за локоть, – или вы предпочитаете коктейли?

Она не умела отказывать.

– Я спешу, но если... пять минут...

– Жить следует так, чтобы никуда не надо было спешить. Он, наверное, тоже спешил.

И что? Успел?

– Кто?

– Сердечник. Я знаю неподалеку милое местечко, – мужчина говорил с ней, как с ребенком, суюкая.

– Если это недалеко...

Их догнал милиционер, выглядел он искренне расстроенным.

– Не довезли до реанимации, скончался по дороге. И никаких документов у него при себе нет. Придется составлять протокол. Пройдемте в мою машину.

Бунин не видел того, что происходило на улице с беднягой. Араб дошел до гостиницы, курил сигарету, стоя у самой стеклянной двери. Николай прошел в холл, наблюдал за ним, заняв место неподалеку от стойки. Если бы араб не стал заходить, всегда можно было последовать за ним. Но нет, зашел.

Ему даже не пришлось спрашивать, дежурная сама подала ключ от номера. Николай успел заметить цифры на массивном латунном брекете: «343». Створки лифта сошлись за спиной у араба.

Оказавшись на улице, Николай услышал вой сирены, неприятный холодок закрался в душу.

«Карл», – подумал Бунин, но, убедившись, что это «Скорая помощь», а не менты, тут же потерял к машине всякий интерес. Мало ли кому на улице стало плохо.

У того самого гастронома, где покупали выброшенную впоследствии в урну выпивку, законный встретил Николая.

– Пошли, – он увлек его в боковую улицу.

Вскоре они очутились в небольшом скверике, недавно отремонтированном, с новыми лавками, литыми фонарями, аллеи были вымощены разноцветной плиткой. Карл присел на скамейку перед выключенным фонтаном. На лице его блуждала задумчивая улыбка.

– Я проследил араба, – сообщил Бунин, – он живет в гостинице в 343-м номере.

– Ты шел за ним до самой двери? – удивился Карл.

– Нет, подсмотрел номер на ключе.

– Это хорошо...

Николай не любил задавать лишних вопросов, знал: Карл, если понадобится, сам все объяснит. Если же нет, то не стоит и пытаться.

Ничего не объясняя, Карл достал из кармана пухлое портмоне. Он сам в него еще не заглядывал, передал Николаю:

– Глянь.

Новая, еще не разработанная застёжка, щелкнула. Внутри было несколько отделений, и все заполнены до отказа. Николай вытащил из одного неполную пачку стодолларовых купюр, прикрыв их ладонью от посторонних взглядов, хотел передать Карлу.

– Пересчитай, – ответил тот.

В скверике народу было немного, но все равно, не станешь же открыто считать баксы. Пригнувшись, Николай зашелестел купюрами, спрятав их между ног.

– Пять тысяч, – назвал он цифру.

Карл не выказал ни удовольствия, ни удивления.

– Что еще?

В следующем отделении оказались дорожные чеки на сумму в пятьдесят пять тысяч долларов. Николай даже присвистнул.

– Неплохо.

– От чеков никакого проку, – отозвался Карл, – по ним деньги не получишь.

– Тут еще что-то есть. – Бунин извлек из центрального отделения белый, без надписей, заклеенный конверт. Вопросительно взглянул на своего наставника.

– Разорви.

Захрустела плотная бумага. Внутри конверта оказались два паспорта. Российский и белорусский. Бунин пристроил их на коленях, развернул. В обоих документах были вклеены фотографии одного и того же человека – того самого мужчины, обменявшегося с арабом бумажниками. Но имя, фамилия, отчество, год рождения оказались разными.

– Что скажешь? – усмехнулся Карл.

– Не думаю, что у него есть брат-близнец в Белоруссии, – Николай даже позволил себе поднять темные очки на лоб, рассматривая фотографии.

– Братья-близнецы, как правило, носят одинаковые фамилии и отчества. И уж точно не могут родиться с разбежкой в два года. Максимум, на один день.

– Как это? – Николай придержал паспорта рукой.

– Один может родиться без пары минут полночь, второй после двенадцати. Это все?

– Еще две кредитные карточки. Интересно, сколько на них денег?

– Они тоже хлам.

– Значит, тебе, Карл, повезло только с наличностью. Но тоже неплохо – пять штук.

– Да... – отстраненно проговорил вор в законе, – мне повезло, что я его встретил.

– Кого именно? – Николай вспомнил, что Карла больше мужика с лопатником заинтересовал араб.

– Хромой бес, – усмехнулся Карл, – как долго я ждал встречи с ним, – в глазах блеснули искорки, из которых мог разгореться пожар.

– Ты его давно знаешь?

– Достаточно давно. Он мне должен, и должен немало, не рассчитается. Не мне одному. Есть пацаны, готовые его поджарить. Но сперва он мой, вернет то, что должен.

И вновь лицо Карла сделалось серым, взгляд буравил пространство, будто он видел то, что другим недоступно. Так смотрит человек, вспоминая прошлое.

– Смотрю, он в крутое дело втерся, – законный бросил взгляд на паспорта, – оба настоящие. За что столько бабла отвалить можно?

– Не знаю... помог в чем-то. В чем тебе араб задолжал?

– В деньгах, и сукой оказался. Но не в них дело. Да и не араб он, прикидывается.

– Деньги ты с него получил, – напомнил Бунин.

– Это уже были не его деньги. Он заплатил за портфель и за лопатник этого мудака. Так что в убытке не остался. Интересно бы заглянуть в тот портфель. Как ты думаешь, что там?

– Наркотики... камни...

– Не думаю. Не тот он человек. Портфель только часть целого. Я должен с ним покви-
таться и только потом сдать пацанам. Про его долг мне никто не знает, только он и я. Хреново
то, что он мое лицо на всю жизнь запомнил, – сказал Карл и посмотрел на Бунина.

– Если надо, можешь на меня рассчитывать.

Карл не отвечал, смотрел, прищурившись, на голубей, выискивающих на пыльных бетон-
ных плитках поживу. Грязный, взлохмаченный голубь важно выхаживал, видно, и не догады-
ваясь, насколько он отвратителен с виду. И тут до Бунина дошло, почему Карл вытащил его
сегодня к гостинице, почему они слонялись по магазинам, хотя вроде бы собирались провести
какого то кореша.

– Ты его не сегодня увидел, ты уже знал, где его искать.

– Почему ты так решил?

– Неважно. Знаю – и все.

– Правильно. Я хотел, чтобы ты сам вызвался помочь. Без тебя мне не обойтись. Из под-
невольного человека плохой помощник.

– Мог бы и не спрашивать. Конечно.

– Мне нравится, что ты уже и не пытаешься называть меня на «вы». Когда я слышу «вы»,
то чувствую себя старым.

Бунину, конечно, льстило – такой человек, как Карл, признавался, что сам бы не спра-
вился. Однако понимал Николай и другое, об этом не давали забыть вещи, найденные в бумаж-
нике, – противник серьезный. Деньги были немалые, да и изготовить два настоящих паспорта
на разные фамилии не так просто. А где большие деньги, там и круто разбираются.

– Ты уже забыл, что пырнул кого-то ножом? – внезапно спросил Карл.

Николай растерялся, он и в самом деле забыл уже и дачный поселок, и подружку на ночь
– Леру, забыл драку у реки. Она отошла далеко-далеко, словно после нее минуло уже несколько
лет.

– Точно...

– Видишь, время измеряется не часами и днями, а тем, что происходит, – поднял вверх
указательный палец Карл.

– Ты можешь мне рассказать, что сделал тебе араб?

– Зачем? Тебе недостаточно того, что я сказал – «он мне остался должен»?

– Долг бывает разным.

– Любой долг нужно возвращать. На этом держится мир.

Странно было слышать Николаю слова о долге из уст вора-карманника. Будто он сам не
остается должен тем, у кого крал! Но парень понимал, что слова не пустые. Есть мораль и пра-
вила, по которым живет свободный мир, а есть понятия мира воровского. Украсть на воле –
это доблесть, но украсть у соседа по камере – более гнусного поступка не придумаешь. Кры-
сятничество. Можно выманить у него понравившуюся вещь, деньги обманом, запугиванием,
можно выиграть в стиры, шашки и нарды, но отдать он должен сам, прилюдно. Для себя Бунин
еще не решил, какой мир ему ближе, он понимал законы и того, и другого. Знал, что и где
считается справедливым.

– Это было давно, – тихо проговорил Карл, он не смотрел на Николая, будто обращался
не к нему, а к людям, оставшимся в прошлом, – главное в том, что это было. Ты поймешь меня.
Мать моя развелась с отцом, когда я был еще совсем мальчишкой...

Бунин удивленно вскинул брови. Карл никогда раньше не вспоминал о своих родителях.
Казалось, словно он всегда был таким, как сейчас, будто и родился вором в законе. Николай
молча продолжал слушать.

– Да, Николай, и у меня были родители, и я не знал, кем стану. Я родился в Москве. Мой
отец – Карл Разумовский, великолепный виолончелист, он играл в оркестре Большого театра.
Моя виолончель... та самая, на которой играл он. Карл Иванович Разумовский...

– Почему такое странное имя и отчество?

– Он из обрусевших немцев. Я не видел его до самой смерти матери. Она умерла, когда я уже поступил в консерваторию. А потом он пришел на похороны. Не знаю, как такое получилось, я ненавидел его заочно, считал, что только он и виноват во всем. А он не стал ничего объяснять, оправдываться, просто взял меня за руку... Мы сошлись быстро, и более близкого мне человека уже не было. Мы могли не видеться месяцами, но я знал, что он существует, что он помнит обо мне. Мог прийти не предупреждая, в любое время дня и ночи, и он был рад мне. Есть своя прелесть в том, когда отец не рядом с тобой. Ты об этом знаешь. Редкие встречи – это всегда праздник.

Николай уже избегал смотреть на Карла, глаза того стали слегка влажными, заблестели.

– Я уже тогда почувствовал, в чем мое призвание, – улыбнулся Карл, – чуткие пальцы виолончелиста годились не только на то, чтобы прижимать струны к грифу. Будто кто-то шепнул мне на ухо, что я создан таскать бумажники. Отец не изменился по отношению ко мне, даже когда я пошел на первую ходку. Он не пытался учить меня жить. Это редкое качество. Единственное, чего он не позволял мне, так это прикасаться к своей виолончели. Ни до того, как я впервые попал на зону, ни после. Она была для него как любимая женщина. Принадлежала ему и никому больше. Иногда он заводил разговор, что виолончель достанется мне после его смерти. Чудесный итальянский инструмент начала девятнадцатого века. Но дело не в этом, – сентиментальные нотки в голосе Карла исчезли, – того, кого ты называешь арабом, на самом деле зовут Сема Мальтинский – Семен Борисович, погоняло Хромой, мало кто называл его так, больше – Борисович. Шерстяных принято звать по отчеству. Я познакомился с ним во время последней отсидки...

Многого Карл не знал сам, но то, что знал, позволяло ему додумать недостающее. В мыслях он снова оказался в далеком 199... году на зоне в Кундуре...

Глава 4

Начало девяностых годов – время мутное, тогда было еще не понять, куда движется или катится страна. Даже самые смелые, успевшие организовать кооперативы, коммерческие предприятия, не были уверены – надолго ли? Бушевала инфляция, а кредиты возвращались в рублях. Берешь в эквиваленте тысячи долларов, а возвращаешь через год столько, что и килограмма колбасы на эти деньги купить невозможно.

Семен Борисович Мальтинский, служивший в Главкоопсоюзе замзаведующего сектором, попался по глупости. Самонадеянным оказался сорокалетний экономист. Провернул он схему, которую до него безбоязненно проворачивали десятки его коллег. Договорился с районными председателями и выделил им под закупки от населения наличку. А товар от сдатчиков принимался на реализацию с тем, чтобы деньги вернуть им только после продажи. Таким образом получал Мальтинский и его коопподельщики свободные средства, тот же кредит, только беспроцентный. Распоряжались полученными суммами по-разному. Некоторые, даже не утруждая себя сложными операциями, просто перемолачивали рубли в доллары, а через пару месяцев продавали их за рубли с двадцатипроцентным наваром. Инфляция помогала.

Мальтинский соорудил компанию с «узким горлом», не поделился с начальством, а там не дураки сидят. Понимают, что почем. Кто-то и капнул. Наслали проверку, следом прокуратуру. Семен Борисович особо не переживал, думал, отмажется. К тому же и свои по плечам хлопали, говорили: «Не пропадешь. Ни хрена у них на тебя нет. А если что и накопят, то за такие нарушения полстраны садить надо».

До суда Семен ходил под подпиской о невыезде, тоже обнадеживало. Обычно, когда реальный срок припаять хотят, сразу в СИЗО сажают. В худшем случае, рассчитывал Мальтинский на «условное». К тому же убытки, понесенные государством по его вине, добровольно возместил. На суде Семен Борисович чуть не потерял сознание, когда приговор огласили, – четыре года лишения свободы с отбыванием срока в колонии общего режима. Прямо в суде его, как был, в белой рубашке, французском галстуке, светлом костюме, в итальянских туфлях на тонкой кожаной подошве, и взяли под стражу. С головой окунули Мальтинского в тюремную жизнь. Обычно человек уже до суда привычным к ней делается. Отсидит, пока идет следствие, половину срока, потом ему и зона курортом покажется. Когда он сказал сокамерникам, что ему четыре года впаяли, те смеяться начали, поздравлять. А он понять не мог, с чем. Смешной срок! С таким можно два года отсидеть, а потом на поселок или сразу на условно-досрочное уйти.

Пока ты в СИЗО, никому не интересно, какое у тебя образование. Будь ты хоть доктором наук, уважения тебе это не прибавит. Надо, чтобы ты умел то, чего другие не умеют. Вот если ты на память много анекдотов знаешь или «Евгения Онегина» выучил, скульптурки из хлебного мякиша лепишь или письмо в стихах написать можешь, вот тогда твои акции в гору пойдут, твоя личность цениться станет. Смотришь, и «правильные» из блатных тебя под свое покровительство возьмут, на шконку лучшую переберешься – к окну или к батарее. Поскольку Мальтинский был человеком способным только в финансах, то раскрыл свой талант лишь после прибытия на зону. Высшее образование, ответственная работа в коопсоюзе не у каждого зэка за плечами имеется. Не знал Мальтинский, что начальник кундурской зоны – подполковник Крапивин – «вел» его от самого суда, к себе заполучить.

Не с самого начала Мальтинский на зоне понял, какая участь ему уготована. Присматривался. Какую масть принять, все думал. В «правильные» – в блатные – идти, возраст уже не тот, да и мыслил он совсем по-другому, чужой он был для них. Сказал бы, на смех бы подняли. В «мужики» податься, так он отродясь у станка не стоял, руки «под хер» заточены, даже

гвоздя толком вбить не умел. Не в пидоры же самому щемиться. Оставалась одна дорога – в «шерстяные».

Шерстяные – зонавская производственная элита, заводское нижнее начальство, мелкие бугры: мастера, табельщики, нормировщики. В те годы производство на зонах еще не остановилось, по привычке план гнали. Еще производственные менты могли режимных построить. Для начала поставили Мальтинского напарником к выдавшему виды зэку у пропиточной ванны, заготовки шпал подвозить. Готовые, еще сочащиеся, отвратно пахнущие креазотом шпалы откатывать и складывать в штабель. Через неделю Семен Борисович почувствовал, что еще немного – и не доживет он до конца года, не то что до конца срока. А разговор у правильных с мужиками, которые норму не выполняют, короткий. Не успеешь оглянуться, как отправят обживать петушинный угол. Вроде бы у них – правильных, считается запахло на ментов работать, сами палец о палец не ударят. Но с производственными ментами они всегда заодно будут, стоит начальнику цеха смотрящему зоны сказать, что мужики работают спустя рукава, вмиг управу на них найдет.

Однажды Мальтинский, обливаясь потом, катил тележку с горячими, черными, источающими адский смрад шпалами, находясь возле которых даже страшно вздохнуть было. Мастер сказал ему, что вызывает его к себе сам хозяин – начальник зоны, и прибыть он должен в штаб немедленно. У Мальтинского душа в пятки ушла, вызов к хозяину ничего хорошего предвещать не мог. Да и зэки решат, раз позвал, значит, будет заставлять стучать, а Мальтинский крепким характером не отличался, мог и сломаться.

«Лучше бы с кем вдвоем вызвал, было бы кому подтвердить, что я не стукач», – думал он по дороге от «промки» к штабу.

Подполковник Крапивин даже головы от бумаг не оторвал, когда Мальтинский заглянул в кабинет.

– Вызывали? – хриплым от волнения голосом осведомился он.

– Осужденный, зайдите как положено, – глухо промолвил хозяин, а Мальтинскому показало, что не сказал, по-дружески посоветовал.

Правда, Семен Борисович сразу же отмел эту безумную мысль, пропасть между ним и хозяином была такой огромной, что о дружеском совете речи идти не могло. Он – обычный зэк, а перед ним ничем не ограниченный властитель царства, называемого зоной. Мальтинский прикрыл дверь, набрал побольше воздуха и, распахнув ее, доложил по всей форме. Назвал имя, отчество, фамилию, год рождения, статью, по которой был осужден, начало срока и его окончание.

– Присаживайтесь, осужденный, – хозяин удосужился посмотреть на Мальтинского.

Так и сказал «присаживайтесь», а не «садитесь». Куда уж зэку садиться, он и так сидит с утра до утра – и по выходным, и по будням.

Семен Борисович присел на самый край стула, руки положил на колени. На него смотрели холодные стальные глаза человека, не знающего жалости.

– Жалобы есть?

Мальтинский внутренне сжался. Выглядело форменной провокацией на стукачество: пожалуешься – не поможет, наоборот, выплывет, что сказал, и тогда не жить.

– Нет, всем доволен, гражданин начальник.

– Раз вы, человек с высшим образованием, работавший на ответственном посту, привыкший к достатку и комфорту, довольны здешними порядками, значит, я что-то упустил. Или раньше вы находились не на своем месте.

Мальтинский лихорадочно соображал, куда клонит подполковник.

«Хотел бы сделать из меня стукача, сказал бы более прозрачно, да и что я знаю – ни хрена, – рассуждал Семен Борисович, – пропал я, бля буду, пропал. Просто прессует, власть

показать хочет. А чего прессовать, захотел бы, он меня и так с говном смешал бы. И не сам бы старался, шепнул бы своим дуболомам».

– Вы чего молчите, сказать нечего?

– Я вас слушаю, внимательно слушаю и выводы делаю, – у Мальтинского хватило ума, чтобы не улыбаться угодливо, не любил этого хозяин, при всех своих странностях твердость в людях уважал.

– А если вы правильные выводы сделаете, значит, легче станет.

«Куда клонит? Чего ему, черту, от меня надо?»

– Семен Борисович, – сказал подполковник и сделал паузу.

Тут уж у Семена Борисовича крыша поехала окончательно. Чтобы хозяин назвал зэка по имени-отчеству, такого не припомнил бы на зоне никто. Хотя и не тыкал.

– Вы человек образованный. Государство на это деньги тратило... Хотя вы и не оправдали его ожиданий, но было бы непростительно не задействовать ваш опыт и умения...

«Неужели просто для того, чтобы мне мозги промыть, вызвал? Нет, не похож он на человека, который зря свое время тратить станет. Глаза у него умные. Подыграю».

– Вы абсолютно правы, гражданин начальник, я тоже часто про это думаю. Так сказать, становлюсь на путь исправления...

– Про исправление вам говорить рано, только-только отсчет срока пошел. Вот когда половину отбудете или хотя бы год... – и вновь замолчал.

Мальтинский заерзал, получалось, что ему начальник намекает на возможность через год на вольное поселение перейти. А через два года и на освобождение. Вот только за что?

«Разводит, купить хочет, чтобы я стукачом стал, – вновь решил Мальтинский, – а потом сам на лесоповал баланы катать бросит. Спросить бы его напрямую. Чего хочет? Да нельзя. На зоне и в тюрьме никто прямо не говорит».

– Каждому осужденному на волю скорее выйти хочется, – промямлил Мальтинский и, рискнув, решил добавить: – У меня на воле много друзей осталось, – кажется, он уже начинал кое-что понимать. – С кем учился вместе, с кем работал...

Хозяин вправе был бы спросить: «Чего ж твои дружки тебя от срока не отмазали?» Но не стал, знал о Мальтинском намного больше, чем тот предполагал. Знал и то, что многие знакомые его не бросили, не потому что совесть их мучила, а просто крутились у них деньги Мальтинского. Выйдет из-за колючки Семен Борисович и снова станет состоятельным человеком.

– Я думаю вас поставить нарядчиком в цеху, – без всяких эмоций предложил хозяин.

У Мальтинского дух заняло, место было хлебным, нарядчик распределял зэков на работы, определял, кому на каком участке стоять. Конечно же, от самого нарядчика зависело мало, в основном приходилось выполнять указания начальства, но в глазах других зэков нарядчик превращался в вершителя судеб.

– Вы согласны?

Подобный вопрос выглядел форменным издевательством. С предложениями зонового начальства не соглашаться вообще не принято, себе дороже станет. Кто и когда о чем зэка спрашивал?

– Конечно, согласен, – выдохнул Мальтинский, подумав в душе, что, наверное, ошибся, первый раз увидев хозяина, тогда он ему показался жестоким.

– Смотрите, если не оправдаете оказанного вам доверия...

Семен Борисович ликовал, но виду не показывал, он был зачислен в масть шерстяных. Масть, конечно, мутная, разобщенная, но на зоне уважаемая.

Уже выйдя из кабинета хозяина, Мальтинский задумался, что бы могли означать слова о неоправданном доверии. Думал и не мог дотумкать. В конце концов махнул на них рукой – от судьбы не уйдешь, не убежишь, особенно если и разбежаться негде – зона вокруг. Можно,

конечно, утешать себя тем, что это ты на воле, а остальной мир сидит за колючей проволокой... Но Мальтинский был реалистом.

Оказалось, его назначение на хлебную должность нарядчика никого не удивило. Да и занял он ее, никого не подсидев, не сковырнув, прежний шерстяной уходил на поселок. В наследство Мальтинскому перешла и шушарка – небольшой кабинетик в производственном корпусе. Предшественник угостил Мальтинского чаем со сгущенным молоком, показал ему собственноручно оборудованные тайники. Было их четыре. О существовании двух из них менты знали.

– Тогда зачем ими пользоваться?

– Когда шмон проводят, то менты просто должны что-то найти. Будут копать, пока запрещенное не найдут. Брось туда, Борисович, пару безобидных безделушек. Найдут, успокоятся, за мелочи шерстяного, как ты, в ПКТ не потащат, начальство отмажет, работать же кому-то надо.

А еще уходивший на поселок нарядчик посвятил его в тайны делопроизводства. После прежней московской работы показались они Мальтинскому никакими не тайнами, а таблицей умножения по сравнению с высшей математикой.

Свою шушарку-кабинетик обжил он быстро, да и было там все для жизни уже приспособлено. Хозяин ему разрешение на трехсменное пребывание в промке – промзоне – оформил, так что даже спать Мальтинский теперь мог не в казарме, а на продавленном диванчике, в собственной отдельной комнате. Только не мог понять Семен Борисович, почему это вдруг подполковник к нему такой симпатией вспылал.

Стал к Борисовичу и смотрящий зоны захаживать – Карл. Мальтинский был человеком образованным, в искусстве и литературе разбирался, мог посоветовать, какую книгу почитать, ему с воли много интересных журналов присылали. Карл уже и в те годы был коронован на вора, прихлебал в его свите хватало, но не было на всей зоне больше по-настоящему интеллигентных людей. Не с кем было просто так за жизнь поговорить. Не то чтобы Мальтинский другом Карлу стал, не бывает друзей на зоне, тут каждый сам за себя, но смотрящий мог ему такое простить, за что бы другой безотлагательно поплатился.

И когда Мальтинский привык к новому, безыскусному комфорту, когда вновь почувствовал себя важным человеком, когда уже думал, что так оно всегда и будет, вновь позвал его к себе хозяин.

На этот раз Мальтинский уже с порога принялся по всей форме докладывать, но подполковник Крапивин только рукой махнул.

– Не утомляйте, осужденный.

Семен Борисович присел, приготовился слушать.

– Как работается?

– Хорошо. Спасибо вам за помощь, за то, что поверили, гражданин начальник...

Крапивин слушал, и его стальные глаза сверлили зэка.

– Говорят, к тебе Карл захаживать стал? – перешел хозяин на «ты».

Мальтинский сделал вид, что не заметил этого.

– Захаживает. Он человек образованный, в консерватории учился. Много общих тем находим.

– Чифирек пьете, – в тон Мальтинскому проговорил хозяин.

– Нет, – тут Семен Борисович не врал, чифиря он не употреблял, берег здоровье.

– Ну прямо у вас со смотрящим курсы кройки и шитья организованы, – пошутил подполковник и сам же рассмеялся коротким заливистым смехом, но потом помрачнел и строго поинтересовался: – Деньги тебе предлагал?

– За что, гражданин начальник?

– Ты же наряды подписываешь, эков на работы ставишь, – начальник зоны раскрыл папку, в которой лежали наряды, подписанные Мальтинским, – получается, что всю зоновскую блатату-крутизну ты от настоящей работы отмазал. Поставил на аккумуляторный участок, а там, сам знаешь, работы одному человеку в месяц на два дня. Вот они там ни хрена и не делают. Скажешь, тебе Карл за это ничего не предлагал?

«Сука, – подумал Мальтинский, – сам же знает, что не я решаю, кто куда пойдет. Все начальство распределяет. Оно за это и деньги с правильных берет. Деньги немалые. Небось и тебе, хозяин, перепадает».

– Ну что скажешь?

– Ничего сказать не могу. Никаких денег мне осужденный Разумовский не предлагал. Предложил бы – я бы сразу об этом сказал.

– На смотрящего настучал бы? – глаза хозяина смеялись. – И сколько бы ты прожил после этого? Живи пока. Я-то знаю, что ты свои дела на воле не оставил. Знаю, что не все деньги следствие у тебя забрало. Крутят твои дружки дела и навар имеют. Тебе достается.

Мальтинский молчал, ему хотелось схватить со стола тяжелую хрустальную пепельницу и запустить ею в голову подполковника Крапивина. Хотя до этого момента он и не подозревал, что может жадать чужой крови. Крапивин спокойно поднялся, прошел к двери и повернул в замке ключ.

«Какого хрена?» – только и успел подумать вконец струхнувший Мальтинский. Крапивин достал из тумбочки небольшой газетный сверток, бросил его на стол.

Семен Борисович смотрел на сверток боязливо.

– Разворачивай.

Мальтинский был наслышан о всяких ментовских штучках. Ему в пересылке осужденный за бытовуху мужик рассказал, как следак участливо предложил ему попить воды из стакана, а потом этот стакан вместе с отпечатками пальцев появился в деле, как основная улика.

Трясущимися руками Мальтинский развернул шелестящий газетный сверток и обмер, боясь прикоснуться к содержимому. Перед ним на столе лежала пачка долларов – сотенными купюрами. Долларов Семен Борисович перевидел в жизни немало, держал их в руках еще в те времена, когда большинство населения Советского Союза понятия не имело, как они выглядят. Пачка была пухлая – тысяч на десять.

– А... а... а... – вырвалось у него, и Семен Борисович с ужасом посмотрел на подполковника.

– А теперь заверни их, не акай, спрячь и проваливай, – бесцветным голосом приказал Крапивин.

– А... что...

– Если ты такой дурак, что до сих пор не понял, поясню. Передашь их дружкам на воле, пусть в дело пустят. Каждый месяц с них десять процентов капать должно. Скажешь, что через два месяца к твоему компаньону домой заеду. Звякну перед этим. Пусть бабло готовит.

Мальтинский хлопал глазами, а руки уже сами торопливо заворачивали деньги в шелестящую газету.

«Если бы еще рублями дал! А то баксами», – ужаснулся Мальтинский.

На зоне и за пятидесятирублевую монетку, найденную во время шмона, можно было в ПКТ загреметь. А тут десять штук баксов. Статью УК насчет хранения и сбыта валюты на то время еще никто официально не отменял, хоть уже и не судили за нее. Но то же на воле! А за колючкой свои порядки. Тут что хочешь припаять могут.

До сих пор старожилы зоны вспоминали и молодым рассказывали, как один мужик бросил в спину прапору-дубаку камешек размером со спичечный коробок – раскрутили его за это на попытку убийства. Но на подставу предложение хозяина не походило. Деньги были настоя-

щими, и в случае если бы Мальтинского собирались с ними раскрутить – десять тысяч ушли бы в доход государства.

Семену Борисовичу хотелось спросить, каким образом он, десять раз подневольный человек, сможет передать деньги вместе с инструкциями на волю в Москву, да еще так быстро, чтобы их успели пустить в дело и получили прибыль? Но жизнь дороже всего.

«Если что, своими деньгами закрою. Но как компаньону весточку передать?»

Не выполни он желание хозяина, ему не жить. Мальтинский запихнул деньги в штаны. Подполковник Крапивин смотрел в это время в окно. Зэк привстал.

– Можно идти, гражданин начальник?

– Иди. Только учти, завтра у тебя в шушарке и в цеху шмон будет. Настоящий, по полной программе. Если найдут...

– Не найдут, гражданин начальник, – Мальтинский и сам не знал, откуда у него взялась эта уверенность.

– Смотри. Пошел вон, – уже добродушно добавил хозяин и вновь стал суров и неприступен, как скала в Северном море.

Мальтинский выскользнул из кабинета. Ему казалось, что каждый мент-дубак видит его сейчас насквозь. Обмирая, он прошел через КПП промки, дежурный даже не посмотрел в его сторону, говорил по телефону. В цеху Семен Борисович почувствовал себя уже немного спокойнее. Режимные менты редко сюда совались без надобности. Если что, лютовали в жилке – жилой зоне. Сосед Мальтинского, занимавший соседнюю шушарку, остановил его.

– Борисович, чего от тебя хозяин хотел?

Этого вопроса Мальтинский ждал, кто-нибудь его обязательно должен был задать.

– Предложил в секцию вступить, – он озабоченно тер виски.

– В какую?

– Дисциплины и порядка, – ухмыльнулся Семен Борисович.

– Туда и не думай идти.

– Я так и сказал, что не по мне это дело. Хозяин наседать не стал. Время на раздумья оставил.

– А ты?

– Обещал подумать. Выберу какую-нибудь безобидную.

– Ты в производственную вступи. И хозяин успокоится, и правильные поймут.

– Я бы с Карлом посоветоваться хотел, – наморщил лоб Мальтинский.

– Смотри, – зашептал сосед по шушарке, – ты шерстяной, сегодня Карл тебя прикрывает, а что завтра будет, никто не знает. Держись от блатных на солидном расстоянии.

Выслушав правильный совет, Мальтинский понял, что воспользоваться им не сможет, единственным человеком на зоне, способным ему помочь, был Карл.

Мальтинский закрылся в своей шушарке, он прислушивался к каждому шороху. Разложил на столе графики выхода зэков на работу. Включил калькулятор, что-что, а создавать видимость работы он умел. Когда слышались шаги или близкий разговор, он бросался к столу и с карандашом в руках замирал над бумагами. Самый дальний тайник казался ему теперь недостаточно надежным.

«Надо срочно найти Карла».

Можно было послать пидора-уборщика, но Мальтинский панически боялся. Самому идти через КПП с деньгами в кармане он не решился. Доллары спрятал в тайнике под самым потолком, отвинтил панель и засунул их подальше – насколько хватило руки. Лишь после этого набрался смелости выглянуть в коридор. Пидор с мокрой тряпкой, надетой на швабру, старательно тер облезший линолеум и чуть слышно напевал детскую песенку про «голубой вагон». Мальтинский закрыл шушарку на ключ и спустился на второй этаж заводского корпуса, тут пахло свежесваренным столярным клеем, краской.

– Ищешь кого, Борисович? – вяло поинтересовался зэк со стажем, он неторопливо растирал флейцем столярный клей по сосновой доске.

В зоне шерстяных принято было называть уважительно – по отчеству, хотя и на «ты». «Вы» говорили только ментам.

– Карла найти надо.

Старый зэк обнажил в улыбке редкие, прокуренные, пропитанные чифирем до коричневого цвета зубы.

– Он там, – и показал пальцем на отгороженную от остального цеха боковую комнатку. Двери разрешалось ставить только в шушарках, как и замки. Комнатку от посторонних глаз прикрывала ситцевая занавесочка.

Карл даже не повернул головы, когда Мальтинский вошел в маленькую комнатку. Смотрящий лежал на новеньком матрасе и, разминая руку, гонял в пальцах две монетки.

– К хозяину ходил... – процедил сквозь зубы законный, – один раз сходишь, второй, а потом братва может и не понять.

– Не сам же ходил. Вызывал.

– Чего хотел?

– Карл, – в голосе Мальтинского послышалась мольба, – выручи.

Семен Борисович знал, что просить на зоне нельзя, особенно у тех, кто сильнее тебя, но выхода не оставалось. Карл зевнул и сел на матрасе.

– Кажется, тебя прижало.

– Пошли ко мне.

Другого человека и в другое время Карл бы послал куда подальше, но Мальтинского он уважал. Вскоре они уже сидели в шушарке. Семен Борисович поставил на письменный стол стул, залез на него и принялся отворачивать панель. Карл сидел, закинув ногу за ногу, и ничему не удивлялся. Наконец Мальтинский спустился с высот и положил на стол газетный сверток.

– На волю передать надо. Моему компаньону в Москву.

Карл не притрагивался к свертку.

– И записку еще передать надо. Я заплачу, но деньги у меня там, в Москве.

Смотрящий с безразличием на лице потянулся к свертку, приоткрыл край газеты и тихонько присвистнул.

– Круто.

– Это не мое.

– Я не хочу знать, чье, – отрезал Карл, по его глазам Семен догадался, что тот прекрасно понимал, чьи это деньги.

– Передашь? – выдал из себя Мальтинский. – Иначе мне не жить.

– Записку пиши.

Карандаш плясал в непослушных пальцах, на листке, вырванном из тетради, Мальтинский выводил слово за словом. Перечитал, поставил подпись и вытер вспотевший лоб. Сложенную пополам бумажку протянул Карлу. Тот отрицательно покачал головой.

– Ты что, не знаешь, как маляву пишут?

Мальтинский растерялся, от волнения он позабыл все, что знал.

– Нитки и иголка у тебя есть?

– А... – тут же вернулась память.

Мальтинский густо прошил записку грубой дратвой, завязал надежный узелок и перекусил нитку.

– Мне чужие секреты знать не обязательно, – ухмыльнулся Карл, опуская записку в карман, – через неделю все будет у твоего приятеля.

– Он и заплатит, – вставил Мальтинский.

Законный только криво ухмыльнулся.

– Ты мне деньги не предлагай. По-другому считаешься.

– Это как? – насторожился Семен Борисович.

– В жизни всякое может случиться. Сегодня я тебя спас. Завтра ты меня выручишь. Твой компаньон – человек надежный? В ментуру не побежит?

– Смысла ему нет к ментам идти. Иначе и сам загремит. Он мне по жизни должен. Половина моего срока – ему по праву принадлежит.

– Вот и ладно.

Карл покинул шушарку. Мальтинский, обмирая, смотрел в окно на то, как Карл приближается к КПП. Смотрящий шел свободно, даже несколько небрежно. Прапор, сидевший на КПП, был из тех, с кем нельзя договориться.

«Сейчас остановит, шмон устроит», – Мальтинский впился в подоконник ногтями, старая пересохла краска крошилась и падала на пол.

Прапор-дубак остановил Карла, о чем-то спросил и махнул рукой:

– Проходи.

У Мальтинского вырвался вздох облегчения. Карл же был спокоен только внешне. Он прекрасно понимал, чем ему грозят баксы, найди их дубак. Мелочовку мент, может, и взял бы себе, а зэка отпустил бы, но такая огромная сумма в валюте сулила неприятности. Поступил бы согласно инструкциям. Менты не любят непонятного.

Мальтинский еще целую неделю трясся от страха. Его не беспокоил хозяин, к нему перестал заходить Карл. Он не знал, дошли ли деньги до адресата. Его собственная судьба висела на волоске. В случае, если бы доллары пропали, подполковник Крапивин сгноил бы его со всеми потрохами, но перед этим вытянул бы из него все деньги. Страданий и трудностей Мальтинский боялся, знал, что не вынесет, если ему придется пройти все круги зоновского ада. Ночами, когда он спал на продавленном диванчике в своей шушарке, ему снилось, что его превратили для начала в зоновского придурка-пидора.

Мальтинский мог бы дать задание мужикам, и его диванчик превратили бы в настоящее чудо. На зоне мужики рукастые, и времени навалом, работу делают основательно, не спеша. Но зачем выделяться? Не надо, чтобы начальство видело, как ты обустриваешь свой быт. Хватало уже того, что хозяин подписал ему разрешение на трехдневное пребывание в промке. Такая лафа мало кому обламывалась. По зоновским меркам Мальтинский высоко взлетел, и не стоило ему плодить завистников. Вот и оставался диванчик скрипучим и неказистым, с порванной обивкой. Главное для зэка – стать неприметным, превратиться в человека-невидимку.

Шмон случился, как и обещал хозяин, основательный. Перетрясали все, до чего только у дубаков дошли руки. Мальтинский подбросил в известные ментам тайники пару фотографий полуобнаженных красавиц, вырезанных из журнала. Найдут и успокоятся. До его тайника под самым потолком они не добрались. А если и добрались бы, тот все равно уже был пуст.

Ровно через неделю в шушарку к Мальтинскому заглянул Карл, принес журнал «Иностранная литература», от предшественника Семену Борисовичу досталась подшивка за три года. Как не терпелось Мальтинскому спросить о судьбе денег! Но сдержал себя. Как ни в чем не бывало нарядчик закипятил электрический чайник, достал из тайника белый хлеб в пластиковом пакете и стеклянную банку с красной икрой.

– Вот масла только нет, – вздохнул шерстяной и, подыгрывая смотрящему, спросил: – Понравилось чтение?

Он от волнения даже не помнил, что посоветовал прочитать Карлу.

– Ничего себе, но за колючкой серьезную литературу читать не получается. Чувствую, что классная вещь, а раздражает.

– Я могу и детективов подыскать, тоже неплохие попадают.

– Детектив? Не стоит, – улыбнулся Карл. – Мне что про наших ментов читать, что про американских копов – все едино. Не бывает хороших ментов.

Смотрящий ел немного. Больше налегал на чай, заправленный сладкой сгущенкой.

– Из дому тебе пишут? – спросил он.

– Кто мне писать станет? С женой мы еще два года назад развелись. Родителей нет.

– Компаньон твой не писал?

Мальтинский напрягся.

– Чего ему писать?

– Иногда люди глупости делают. Ты чего не спрашиваешь, дошли деньги или нет?

– А дошли? – вывалось у Семена Борисовича.

– Ты как думаешь?

– Не томи, Карл, – сдался Мальтинский, – я ни есть, ни спать не могу. Каждую секунду об этом думаю.

– Дошли до него деньги.

– Не удивился он моей просьбе?

– Откуда я знаю? Не я же сам ему их в руки передал. Теперь жди, что из этого выйдет.

Миновали два месяца, в течение которых Мальтинский запретил себе вспоминать о хозяине и его деньгах. Тот сам о себе напомнил. Пригласил в кабинет. Взгляд подполковника Крапивина всегда оставался строгим, понять по его глазам, доволен он или раздражен, было невозможно.

– Ну что, осужденный Мальтинский? – спросил Крапивин после доклада, сделанного по всей форме.

– Все хорошо, гражданин начальник, – пожал плечами Мальтинский. Он помнил о дистанции, отделяющей его от начальника зоны, но уже не заискивал.

– Твой приятель привет тебе передавал. Был я у него в Москве. Теперь он сам приезжать сюда станет. Тебе свиданка еще не скоро положена, но можно устроить.

– Спасибо, – вяло отреагировал Мальтинский, – у меня родственников нет.

– А друг твой сказал, что сестра к тебе на свиданку просится, – взгляд Крапивина оставался холодным, лишь голос выдавал насмешливые нотки, – родная сестра, – уточнил он.

Только сейчас Мальтинский окончательно поверил в свое спасение, поверил в то, что будущее у него есть. Если сам Крапивин готов под видом родной сестры запустить к нему на зону бабу для развлечения, то, значит, все сложилось наилучшим образом.

– Мы с ней сводные брат и сестра, – соврал Мальтинский, – от разных отцов, не думал, что она обо мне вспомнит.

– Не хочешь с ней встретиться?

– Хочу.

– Пиши заявление.

Не прошло недели, как Мальтинский получил долговременную свиданку с бабенкой-полупроституткой, которую ему подогнал московский дружок. Привезла она и харчей, и выпить. Семен Борисович особо не расслаблялся, выпил в меру, насытился женской плотью. Телка попалась умелая, она и мертвого могла бы соблазнить. Никогда раньше за собой Мальтинский не замечал особых сексуальных талантов. Теперь же, прокувыркавшись ночь напролет, кое-что оставил на утро. К тому же она была не дурой, у компаньона работала секретаршей на все случаи жизни. В перерывах между трахами отчиталась перед Мальтинским, как идут дела с бизнесом. Не бог весть какие прибыли, но дело его находилось на плаву.

Так и пошло. Хозяин оставался доволен Мальтинским, благодаря Семену Борисовичу его деньги крутились, приносили неплохой доход. Крапивин рвачом не был, для начальника зоны жил скромно, готовил пути к отступлению после выхода на пенсию. Что у него было на государственной службе? Служебная трехкомнатная квартира за колючей проволокой да служебный же «уазик» с водителем-срочником? А соблазнов много, но зоне деньги не берет только

дурак или ленивый. Много брать опасно: переберешь лишку, останешься должен блатным – и круто тебя возьмут они в оборот.

Карл, хоть и захаживал к Мальтинскому, говорил с ним за жизнь и искусство, но никогда больше не возвращался к разговору о пачке долларов, словно и не было их. Крапивин же, однажды испытав Мальтинского, больше не рисковал, деньги в Москву возил сам, сам же и забирал, даже умудрялся через его фирму сбывать зоновскую продукцию.

Крапивин, когда уверился, что встрял в бизнес крепко, заговорил с Мальтинским о выходе на поселок. Мол, не стремись ты туда попасть, тебе и на зоне неплохо. Еще полгодика перекантуешься и уйдешь на досрочно-условное. И Мальтинский согласился.

Свиданки Семену Борисовичу перепали регулярно – и краткосрочные, и длительные. Ни одной не упустил. Секретарша приезжала под видом сестры, страстная баба, чувствовалось, что она не только за деньги старалась, но и для собственного удовольствия.

Карл, хоть и понимал, в чем дело, однако в душу Семену не лез. В конце концов, Мальтинский не стучал, а то, что менту помогал, так это ж в бизнесе. Да и не стремился Семен блатным стать, а шерстяному такое занятие в самый раз, каждый выживает, как может.

Однажды так случилось, что выпало Карлу и Мальтинскому в одном заходе на свиданку идти. Никто специально этого не устраивал. К смотрящему отец приехал. А на свиданку обязательно подарок родственникам сделать надо. Кто сам что мастерил, кто покупал у других. Шкатулки резные, подсвечники, кольца, все, на что зона способна. Но не станешь же известному виолончелисту, интеллектуалу зэковские побрякушки дарить. Карл рассудил правильно, пусть сам отец решит, что ему нужно. Лучше всего деньги дать, что захочет, то и купит. Деньги на зоне ходят, и немалые, хоть это и строжайше запрещено. Но сами же менты смотрят на это сквозь пальцы. Чем иначе им платить зэки станут? Ножичками да шкатулками самодельными? А на одну зарплату никто из дубаков уже давно не жил, отвыкли. Карл деньги особо и не прятал, свернул их, резинкой перетянул и в карман положил. Если шмонать серьезно станут, куда ни прячь, найдут.

Возле КДС – корпуса долговременных свиданий – уже стояли зэки, те, кому выпало счастье не только увидеть родных, но и на пару дней вырваться из лагерного быта. Карл сидел на корточках, курил и ждал, когда наконец сможет очутиться с отцом наедине. И тут он взглядом встретился с ментом, который на КПП дежурил. Тот только что по телефону с кем-то говорил. Судя по тому, что рожу серьезную при этом строил, скорее всего, ему сам хозяин звонил. От таких звонков добра не жди. Карл всего одну секунду прапору в глаза смотрел, но уже понял, о чем речь по телефону шла. То ли стукнул кто-то, что он деньги с собой несет, то ли сам хозяин дотумкал. Догадаться несложно. Если бабло найдут при шмоне, мало того что свиданка накроется, так еще и в ШИЗО упечь могут. Зол был последнее время на Карла хозяин.

Мальтинский терпеливо ждал, спрятавшись от солнца в тень, отбрасываемую домом, тень с каждой минутой становилась короче, и скоро уже не было где спрятаться от палящего солнца. Прапор глаз с Карла не сводил.

– Эй, – крикнул смотрящий, – долго еще нам ждать?

– Подождешь, срок так или иначе идет, спешить тебе некуда, – отвечивал прапор, и в его голосе ничего хорошего для Карла не прозвучало.

«Точно, шмонать станут».

Карл чуть заметно поманил пальцем Мальтинского, тот сразу понял, присел рядом с ним на корточки. Для отвода глаз Карл вытащил пачку сигарет, предложил закурить. Себе он вставил простую без фильтра сигарету в витой деревянный мундштук, изготовленный умелым самоучкой – резчиком по дереву, недавно откинувшимся на волю, – прощальный подарок смотрящему. Мальтинский взял сигарету без должного благоговения, буднично. Другой бы зэк зашелся от счастья – сам Карл предложил. Прапор пока еще смотрел в оба глаза, но уже

подустал. Табачный дым поплыл над площадкой и беспрепятственно перетекал сквозь частые ячейки сетки ограждения.

– Дело такое, – прошептал Карл, – я отцу своему подарок на свиданку несу, но чувствую, шмонать станут. Не хотелось бы его ментам оставлять.

Мальтинский моргнул, потер нос, раньше к нему Карл с просьбами не обращался. Вот и теперь он не мог понять, куда клонит смотрящий. То ли просто рассказывает, то ли оказать услугу просит.

– Что за подарок? – спросил Семен Борисович.

– Деньги. Пусть старик сам решит, что ему нужно. Я от вольной жизни отвык. Могу и ошибиться. Тебя шмонать не станут.

– Давай, – не шевеля губами, проговорил Мальтинский и заложил руку за спину.

Карл, сжав в пальцах тугой денежный сверток, сунул его в ладонь шерстяному. Тут же купюры, перетянутые аптечной резинкой, куда-то исчезли, Мальтинский уже держал пустые ладони перед собой и рассматривал холеные пальцы с коротко подрезанными ногтями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.